

АННА КУДИНОВА

39 ДОЛЕЙ
ЧИСТОГО ЗОЛОТА

16+

Анна Кудинова

39 долей чистого золота

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38280026

SelfPub; 2022

Аннотация

Книга Анны Кудиновой – мистическая история о том, как человек проживает свою жизнь в разном времени, переосмысливая некоторые её моменты. Эта захватывающая история держит читателя в напряжении до самого конца повествования, а неожиданная развязка заставит заново переосмыслить сюжет. В оформлении обложки использовано изображение "39 долей чистого золота", автор изображения А. Кудинова.

Содержание

Глава первая	4
1	4
2	17
3	28
4	37
5	46
6	60
7	67
8	73
9	74
10	84
11	100
Глава вторая	111
1	111
2	133
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Анна Кудинова

39 долей чистого золота

Глава первая

1

– До свидания!

– До свидания, – тут же прозвучало в ответ.

Таня вышла в коридор и, закинув сумку на плечо, направилась к выходу: кое-где свет еще горел, а из-за приоткрытых дверей доносились прощальные разговоры.

– Хорошего отдыха! – сказала Таня, заглянув в гримерку.

– И тебе тоже, Танюша! – ответила Маргарита Николаевна, всеми любимая краснощекая женщина, лет так ста пятидесяти, из которых сто сорок пять она отработала в театре заведующей бальными пачками, да так добросовестно, что за все это время ни одной пачки не пропало. Человек, знающий все и обо всем, но при этом никогда ничего лишнего не говорящий, за это и всеми любимый.

– Уезжаешь куда? – спросила она вдогонку.

– Нет, если только к сестре – подежурить, пока ее не будет, – ответила Таня. – А больше никуда не собираюсь.

Она с легкостью скатилась по огромным чугунным перилам центральной лестницы.

Стемнело, тянуло часов на одиннадцать, самое спокойное время, основная масса людей, разгуливающая по улицам днем, уже разбежалась по домам в страхе перед темнотой и тишиной пустынных улиц.

Девушка вышла из театра, поковырялась в сумке, достала мятую булку с повидлом, развернула ее и откусила большой кусок, затем повернулась к афишам и с умилением стала разглядывать их.

– Я уже скучаю, – сказала она вслух сама себе и вздохнула, дожевывая кусок булки.

– А я бегаю за тобой по всему театру, – строго сказала девушка, подошедшая сзади.

– Зачем?

– Ты же знаешь, завтра утром у нас поезд, мне все нужно успеть, и ты утром должна быть на вокзале, чтобы взять у меня ключи. А еще ты должна помнить про мои цветы, которые тебе предстоит поливать все лето, пока меня не будет, я тебе все написала. Главное – помни, что если ты перельешь, то в них заведутся мошки, а если недольешь, то цветы засохнут. Ты все помнишь? Мы же с тобой уже все проговаривали.

– Да-да, – сказала Таня.

– Ты что, ешь? Ты ешь на ходу? Всухомятку? Мы с тобой вроде родные сестры, но такие разные... я вот никогда...

Таня продолжала жевать и с сожалением разглядывать

афиши, висящие на стене театра, мысленно прощаясь с ними. Взгляд ее был несколько отрешенным, на губе висела маленькая белая крошка.

– Я помню про завтра, – сказала Таня серьезным голосом, перед тем как повернуться к сестре лицом.

К этому времени около девушки уже стоял молодой человек и переминался с ноги на ногу, с широкой и немного глупой улыбкой.

– Ну, тогда пока, – сестра чмокнула Таню в обе щеки и поторопилась удалиться. – Мне очень понравилось твое выступление! – крикнула она, обернувшись, и показала большой палец, задранный вверх.

– Ты чего так рано ушла? – спросил молодой человек. – Мы там это... собираемся продолжить в баре, – начал он сразу после того, как сестра Тани скрылась за поворотом.

– Мне завтра сестру на вокзал провожать, в 6 утра поезд, боюсь просплю, а это будет смерти подобно, там ключи, цветы и куча прочей жизненно важной ерунды.

– Сегодня же последний день! – возмущенно продолжил настаивать молодой человек.

– Не! Пока, Вова, – уверенно сказала девушка и направилась в сторону.

– Все вы, танцовщицы, такие вредные, высокомерные, тьфу на вас, – пробормотал Вова и, сунув руки в карманы брюк, пошел обратно.

Минут пятнадцать Таня шла по узкому пешеходному тро-

туару, сворачивая то влево, то вправо, а затем прыгнула в открытые двери стоявшего на остановке полупустого трамвая, двери закрылись, и трамвай с характерным для него железным звуком медленно поехал по рельсам. . .

«Я дома!» – с легкостью подумала девушка и, упав на кровать, стала стягивать узкие голубые брюки с вышитым рисунком по всей длине. А после взяла книжку, хлопнула дверцей холодильника и села на широкий кухонный подоконник, с которого открывался великолепный вид на пересечение двух центральных проспектов города. Таня раскрыла книгу и стала увлеченно читать.

Через некоторое время в соседних окнах свет уже погас, и кухня Тани стала похожа на маленький желтый квадратик, в котором виднелся человеческий силуэт. Еще пару часов после этого свет горел в спальне и, наконец, погас, остался только тусклый голубой лучик ночника, охраняющий ночной сон юной танцовщицы.

Когда прозвонил будильник, свет ночника растворился в ярких лучах рассвета. Небо в этот день было чистое и яркое, по дорогам уже всюду кружился тополиный пух, на лету собираясь в круглые клубочки. У Тани с детства была аллергия на июнь: чесался нос, текли слезы и выступала красная сыпь на шее, посему она любила пережить это время дома в компании своей книжки и незаконченных рисунков.

Будильник вновь зазвонил, когда на часах было уже 4:40. Из-под одеяла с одной стороны торчали темные короткие ки-

сточки волос, а с другой, наполовину свесившись с кровати, выглядывали вывернутые голубые брюки, а из штанины торчал носок.

Будильник продолжал звонить, но реакции не было. 4:55 – под одеялом начались шевеления. 5.05 – одеяло резко подскочило, и из-под него показалась взлохмаченная голова. Таня резко схватила телефон и, взглянув на время, плюхнулась обратно на подушку. Поездка на вокзал казалась ей мучительной и бесполезной, девушка немного злилась на себя и продумывала варианты отхода, которых, к сожалению, не оказалось. Таня, сморщив лицо и схватившись за коленку, села на край кровати: по утрам боль в суставах была невыносимая, спасали мазь и эластичные бинты. Обмотав обе коленки, она быстро умылась, надела длинный зеленый сарафан, выпила на бегу чашку растворимого кофе с молоком и вышла из дома.

Ровно за 30 минут до отправки поезда девушка в зеленом сарафане появилась на площади центрального вокзала и встала под большими круглыми часами, как и было оговорено заранее. Площадь похожа на большой человеческий муравейник – все куда-то бегут, толкаются и задевают друг друга своими огромными сумками. Немного нахмутив брови и замерев, как манекен, Таня рассматривала пробегающих мимо людей, шевелились только ее темные, как смоль, зрачки, бегая то влево, то вправо, будто она читала какую-то огромную книгу. Не перескочив на следующую строчку, Та-

ня продолжила рассматривать симпатичного молодого человека, который неожиданно для толпы остановился в потоке и тем самым попал в поле зрения девушки.

– Привет! – схватив Таню за плечо, сказала сестра и расцеловала девушку в обе щеки. – Я думала, ты опоздаешь.

– Я тоже так думала.

– Давай отойдем, я тебе сейчас все расскажу, не забудь ключи, у нас там ремонт намечается, ты же помнишь, так что не обращай внимания на бардак. Еду я тебе не оставила, я же не знаю, когда точно ты приедешь и на сколько останешься, там только крупы и сахар, я все убрала в холодильник, чтобы мошки не завелись. Белье я тебе постелила чистое, чтобы ты осталась ночевать, я думаю, ты будешь ночевать, ездить туда далеко одним днем, это же за городом, час десять идет электричка из Москвы, есть те, которые идут быстрее, но их мало, надо смотреть в расписании. Расписание, кстати, вот, возьми, – сестра пихнула Тане в руки небольшую брошюрку.

Она говорила очень быстро и прерывисто, Таня ухватывалась за каждую фразу, но тут же теряла ее, пытаясь ухватить следующую, это было что-то вроде циркового номера, где один артист кидает кольца на шею другому, а тот должен все поймать.

Так две сестры пересекли всю площадь вокзала и подошли к молодому человеку, который стоял под табличкой: «Выход к поездам дальнего следования» – и охранял несколько огромных чемоданов.

– Привет! – поздоровалась Таня с мужем своей сестры и только хотела произнести следующую фразу, как сестра тут же продолжила кидать кольца на шею.

Он вроде бы тоже хотел что-то сказать, но его лицо выражало такое непередаваемое умиротворение, будто он знал наперед все, что сейчас произойдет. Он, наверное, знал все, что произойдет сейчас – в ближайшем будущем, в далеком, и даже то, где он будет похоронен, вплоть до мельчайших подробностей. Его шея была под завязку наполнена цирковыми кольцами, да и не только шея – руки, ноги и даже мизинцы, так что его главной задачей было стоять и не шевелиться, чтобы, не дай бог, ни одно кольцо не слетело. Солнце уже высоко, но утренняя прохлада все еще бегала по коже мушками, Таня закрыла глаза и подставила белокожее лицо солнцу.

– Ты слушаешь меня? – тут же спросила сестра.

– Да, да! – откликнулась девушка, вдыхая запах креозота, слабо доносившийся с железнодорожных путей.

– Ты несобранная! И о чем ты думаешь все время? – озвучила сестра.

– Яя??! – протяжно сказала Таня, приоткрыв один глаз. – О небе! Я думаю о небе! О том, какого оно цвета сегодня, и каким было вчера, и какого цвета оно чаще всего, а главное – от чего это зависит? И кто меняет эти цвета? – намеренно разозлила сестру она.

– От погоды, – разочарованно ответила сестра и продол-

жила через паузу: – Хорошо тебе живется, ты безответственная, беспечная, у тебя нет никаких проблем, ешь булки и танцуешь себе в удовольствие, а мне оставили тебя в 16 лет, и я уже не могла себе позволить думать о небе.

Таня опустила голову:

– Ты можешь думать о нем сейчас.

– Сейчас я думаю о ключах, которые надо тебе отдать, вот! – сказала сестра и запустила руку в глубину своей дорожной сумки, в то время как электронный женский голос начал громко и устрашающе объявлять об отправлении поезда.

Сестра снова расцеловала Таню в обе щеки, наговорила кучу всего важного, о чем нужно не забыть, и, запрыгнув на ступеньки поезда, помахала рукой, после чего на ее глазах выступили скупые сентиментальные слезы.

Поезд тронулся, набрал небольшую скорость и, дернувшись при этом несколько раз, скрылся из виду. Таня стояла еще некоторое время неподвижно, после того как проводила взглядом удаляющийся хвост, теребила в руке ключи и покусывала нижнюю губу, думая о том, сколько брошенных на ее шею колец удалось поймать. Нисколько. Все они были разбросаны по площади вокзала в хаотичном порядке и лишь в некоторых местах скапливались в небольшие кучки, постепенно исчезая, словно маленькие лужицы воды на солнце.

Никаких иных планов на день не было, и Таня отправилась домой, заскочив по дороге в аптеку за очередной пор-

цией обезболивающих таблеток и мазей, именно они и летний период вселяли в нее надежду на открытие нового танцевального сезона.

– Здравствуй! – услышала Таня из-за аптекарского прилавка, копаясь в сумке в поисках рецепта, и тут же подняла глаза: в щели между наклеенными листовками светилась белозубая улыбка пухлого паренька в белом халате. – Тебе как обычно?

– Ага. И еще дайте, мне, пожалуйста, желтые витаминки и... – протяжно и неуверенно добавила она, оглядевшись вокруг: – белые круглые.

– Аскорбиновую кислоту? – улыбаясь, добавил пухляк.

– Именно!

– Гуляешь сегодня? – шутил аптекарь.

– По полной! И еще пачку цитрамона, раз уж такое дело, – добавила Таня и протянула рецепт.

– Давай, я посмотрю, почерк больно детский – сама писала?

Таня изобразила, что более актуальной шутки и представить себе не могла, как вдруг созданную импровизированными потугами романтическую ситуацию и витающие в воздухе любовные флюиды разорвал вошедший в аптеку покупатель. «Прекрасно!» – обернувшись, подумала девушка. Этот пухляк вечно отмачивал двусмысленные шутки, впиваясь взглядом в лицо Тани, будто желая чего-то большего, но при этом не выходя за рамки своего двойного обклеенного бумажка-

ми стекла, словно привязанная собака, прыгающая четко на длину цепи. Можно подходить близко и держать кусок копченой колбасы в радиусе десяти сантиметров от линии лап, зная, что она не достанет.

Самая короткая дорога к дому лежала наискосок через парк – в виде узкой, протоптанной человеческими следами полоски, жившей, как казалось, своей жизнью. Летом она была черная, зимой – белая, но ширина ее при этом всегда оставалась одинаковая, менялась только фактура следов, которая напрямую зависела от погоды. Таня шла по ней, стараясь наступать в чужие следы, будучи убежденной, что так можно прочесть чужие мысли: фантазия – это как раз то из немногого, с чем у девушки никогда не было проблем. Рассасывая кисло-сладкую таблетку аскорбиновой кислоты, Таня представляла усатого мужчину в черном костюме, который шел очень-очень быстрым шагом, или очень-очень высокого – судя по расстоянию между следами – роста. Вскоре они исчезли, и пришлось мельтешить по маленьким следам, с тонким старомодным каблучком. Женщина, торопившаяся домой с сумками в обеих руках, кудрявыми каштановыми волосами, думающая о скворчащих на сковородке котлетах к ужину.

Таня оторвалась от следов и потянула руку в карман за еще одной витаминкой, как вдруг услышала музыку. Это были старые довоенные или послевоенные песни. Сначала было непонятно, доносятся ли они из недр ее сознания, мыс-

лей хозяина следов, или вообще это реальная музыка, которую слышат и все остальные. Таня остановилась и на минуту попыталась прислушаться: музыка была очевидно реальной, небо ясное, теплое, цвета... то ли молочно-розоватого, то ли молочного с оттенком бледно-голубого. Слишком ярко – глаза заслезились, и ресницы стали моргать часто-часто.

Музыка доносилась с уличной деревянной сцены, отстроенной в северной части парка ко Дню Победы. Хоть праздник уже давно прошел, танцы для стариков продолжали устраиваться по выходным все лето и пользовались весьма большим успехом. Таня подошла к сцене со стороны трибун и встала позади толпы, стоящей рядом, а потом протиснулась и села на трибуны. Несколько пожилых дам сидели справа и слева от девушки, бодро и весело обсуждая что-то. Из больших черных колонок, висящих в глубине сцены под самым потолком, вырывалась громкая, низкокачественная музыка – труба, тромбон, кларнет будто наперебой рвались вон, заставляя подскакивать танцующие пары на деревянных перекладинах. Бабушки, наряженные в лучшее одежды прежних лет, неуклюже кружились в танце, скромно обнимая за талии своих партнеров, – потрясающее зрелище, бездонный простор для фантазий об их прошлом и настоящем, мелькающих в их головах, словно видеоклип. И только Таня успела окрасить картинку в черно-белый цвет, как ее прервал хриплый мужской голос.

– Можно вас пригласить? – сказал старик, склонившись и

протянув руку девушке.

Все нежелание танцевать в таком месте и в такой обстановке напрочь разрушил улыбающийся взгляд старичка, одетого в бежевый льняной костюм и коричневые сандалии на белые праздничные носки. Таня быстро попыталась сообразить хоть что-нибудь, но ни одна придуманная ею причина в тот момент не показалась достаточно уважительной для отказа.

– Конечно, – сняв сумку с плеча и опустив ее на сиденье, она протянула руку кавалеру.

Дамы, сидящие рядом, проводили их тяжелым молчаливым взглядом до самой сцены и снова заболтали, перебивая друг друга. Старик подхватил Таню за талию и пустился танцевать – полный оборот в два такта, три шага, опять оборот и снова три шага – очень ловко и легко.

Он умело и старательно выписывал движения, широко улыбаясь, девушка, в свою очередь, старалась не быть лучше, хотя и могла бы, в силу своей профессии, но об этом она, конечно же, умолчала.

– Вы прекрасно танцуете! – гордо заявил партнер сквозь небольшую одышку.

Таня ничего не ответила, лишь улыбнулась в ответ, воздух наполнился запахом нафталина из старого шкафа вперемешку с одеколоном и отдушкой тонального крема. Этот запах напомнил детство – Таня залезала в огромный комод, поворачивала ключ в замочной скважине маленькими белыми

пальчиками, и ее взору открывалось его содержимое. Делать это было категорически запрещено, но ведь именно запрет и придавал особый интерес: разноцветные ткани лежали аккуратной стопкой, духи, статуэтки и вазочки из разноцветного стекла, горы новой посуды, заварной чайник и шкатулка с бусами. Но особенный интерес вызывал тонкий запах шоколада, его можно было почувствовать, только лишь закрыв глаза и сделав медленный глубокий вдох. Конфеты, завернутые в газету, лежали в большой вазе. Оставалось лишь запустить туда руку и взять одну, пока никто не видит, а потом быстро и тихо закрыть дверцы шкафа и повернуть ключ обратно. Если операция удавалась, надо было вести себя тихо, тщательно стереть остатки шоколада с губ и надежно избавиться от фантика. «Кто съел все конфеты?» – кричала бабушка на весь дом, обнаружив через некоторое время пропажу.

Музыка стихла, старик поклонился, потом поцеловал Танину руку и, поблагодарив, отвел обратно к трибуне. Старичка тут же одернула пожилая дама в ярко-синей шляпе, синем платье и с красными, как кровь, губами. Старик оказался очень востребованным на танцполе, и остальные танцы Таня наблюдала уже как зритель.

2

Утром следующего дня с того же вокзала, только другой его части, отходила пригородная электричка – ровно по расписанию, в 11.36. Было 11.35, когда Таня неслась через при вокзальную площадь, расталкивая кучки людей, столпившихся у нее на пути. Одета в синий джинсовый сарафан, кеды, с рюкзаком на плечах и сумкой в руке, она выбежала на платформу за 4 секунды до закрытия дверей, огромными шагами проскакала по платформе и вскочила в поезд, двери захлопнулись практически у нее за спиной. Девушка пыталась отдышаться, стоя в тамбуре поезда, и потирала левое плечо, пострадавшее от удара при столкновении с прохожим на платформе. Состав тронулся, людей в вагоне практически не было, и Таня выбрала комфортное для себя место в середине.

«Ехать около часа, можно вздремнуть или почитать. Лучше, конечно, вздремнуть. Нет – лучше почитать. Я подремлю, а потом почитаю. Нет – я почитаю, а потом подремлю», – сказала Таня себе внутренним голосом так твердо, что на ее лице, казалось, отразилась какая-то непонятная гримаса. Разложив вещи, девушка достала книгу, раскрыла на коленях и устала вниз. Едва ли это мог быть бульварный роман или пособие для одиноких женщин – книжка называлась «Сказки о силе» Карлоса Кастанеды. Не то чтобы Таня при-

нимала всерьез учение Кастанеды, это, скорее, было просто для отвода глаз от своих собственных фобий. Черные пряди волос упали вниз и закрыли лицо, в окне виднелась окраина города – высокие новостройки медленно проплывали мимо, оставаясь позади, под стук колес электрического поезда. Бегающий по строчкам взгляд остановился, и веки налились тяжестью, дыхание стало ровным, шея болталась словно на шарнирах, раскачиваясь в разные стороны. Таня увидела странный серый силуэт – воздух помутнел, словно грязная вода, – не разобрать было даже того, что находилось в метре от носа. Силуэт, словно сгусток бегающих теней, манил за собой, издавая медленный протяжный звук, похожий на вой собаки, доносящийся из глубины.

Таня встала и двинулась вперед на полкорпуса, как тут же почувствовала тяжесть – ноги были тяжелые, словно огромные гири – такие, как поднимают в спортзале накаченные дядьки, а силуэт продолжал удаляться и бегающими в солнечном свете тенями манить за собой. Таня шла по вагону поезда, перехватываясь руками за спинки сидений, подтаскивая таким образом тяжеленные ноги. Вагон вытянулся и стал похож на огромный длинный тоннель, в конце которого, по закону жанра, слегка просматривался свет. Путь казался бесконечным, а танцующий впереди силуэт то приближался, то убегал далеко, заслоняя играющий свет впереди. Хотелось обернуться назад, но шея будто окаменела, как старые заржавевшие дверные петли, и с хрустом сказала – нет. Вдруг ста-

ло темно, потолок медленно поднялся вверх и растворился в темной густой ночной глади, звезды рассыпались по небу в хаотичном порядке, а затем стали сгущаться и растягиваться в Млечный Путь. Воздух стал холодным, и Таня почувствовала собственное дыхание, наполняющее воздух паром при выдохе. С неба посыпались крупные хлопья снега, они падали на сырую землю, покрывая ровным слоем темную, как смоль, поверхность, и через несколько секунд все стало белым – огромные сугробы возвышались, словно горы, тоннель расширился, превратившись в бескрайнюю зимнюю долину. Эти снега никогда не растают, ни один лучик солнца не прольет свой свет на эти места, и земля, промерзшая на тысячи километров, не родит ни одной жизни. Девушка стояла по пояс в снегу и рисовала на нем узоры пальцами, замерзшими настолько, что снежинки перестали таять от тепла ее рук. На снегу в лунном свете стали бегать маленькие круглые тени, собираясь воедино, – снова появился тот самый силуэт, и Таня уже приготовилась следовать за ним дальше, как тут вдруг заметила, что он стал другим, он будто пытался изобразить кого-то, словно пародист, выступающий на сцене перед публикой. Сердце забило в тревоге, и стало невыносимо больно от того, что все это показалось ей очень знакомым. Силуэт после нескольких движений сел на корточки у небольшого бугорка и согнулся почти в калачик.

– Нет, нет! – закричала Таня и попыталась дернуться вперед, но ноги будто вросли в твердый заледенелый снег, она

раскапывала себя, безжалостно раздирая руки в кровь, в то время как силуэт неподвижно лежал на снегу, бесследно исчезая в ночной пустоте.

Снег продолжал падать, и все попытки выкарабкаться были бесполезны. Таня разгребала белые пуховые кучи снега перед собой в надежде зацепиться за что-то, но также бесполезно. Она старалась, как могла, но то расстояние в несколько метров между ней и уже полупрозрачным обездвиженным пятном никак не уменьшалось, она смотрела, как исчезает силуэт, до тех пор, пока ее взгляд не устремился в ночную пустоту, а после этого легла в сугроб и громко заплакала. Ее горячие слезы капали на снег и топили его до тех пор, пока весь лед не превратился в теплую соленую воду. Девушка подняла голову и увидела солнечный свет, одежда намокла и прилипла к телу, точно повторив его контуры. Таня подняла глаза и попыталась осмотреться – небо было голубое и яркое, птицы кружили высоко, перекрикиваясь друг с другом на своем птичьем языке, вокруг зеленела сочная трава и устремлялись ввысь огромные толстые деревья с пушистыми, взлохмаченными ветром головами. Снежная толща, заковавшая девушку ранее, превратилась в теплую журчащую реку, ласково огибающую ее тело. Таня стояла по пояс в воде и все так же не могла пошевелить ногами, от яркого солнца в глазах начало рябить, но вскоре рябь стала напоминать порхающих разноцветных бабочек прямо над головой. Бабочки кружились в необычайном танце, подлетая так близко, что

можно было поймать рукой, разноцветные рисунки украшали их тонкие крылья. Таня осматривалась по сторонам, ожидая появления теней, что образуют силуэт, но вместо него вдруг появилось что-то большое слева, загородив солнечный свет. Это что-то вторглось без приглашения, и с его появлением все вокруг стало исчезать, включая саму девушку.

– Ваш билет! – низкий мужской бархатный голос прямо-таки вклинился в сознание Тани, блуждающее так далеко, что вернуться на место так вот сразу не получилось.

Таня медленно и с трудом подняла затекшую от всякого положения шею и, часто моргая, посмотрела на билетного контролера. Голова не поворачивалась, словно заржавевшие петли, – это все, что Таня успела захватить с собой из мира сна в мир бодрствования. Ни снега, ни бабочек не было, все осталось там, во сне, куда она непременно вернется еще раз и дойдет до конца тоннеля или реки.

– Билет есть? – еще раз повторил контролер, склонившись над девушкой, словно фонарный столб.

В руке его был какой-то черный металлический аппарат, а на плече висела толстая кожаная сумка, из которой выглядывал ежедневник. Колеса поезда продолжали монотонно стучать по рельсам и пошатывать в такт одиноких пассажиров поезда.

Таня очнулась и, быстро распахнув сумку, стала искать в ней что-то, книга соскользнула с колен и упала на пол. Таня нагнулась, подняла с пола чтиво и, смахнув волосы с вино-

вато-обескураженного лица, посмотрела на контролера.

– Нету! – уверенно сказала она. – Я опоздала на поезд! Понимаете, я бы не поехала без билета, если бы...

Пытаясь оправдаться, глядя контролеру прямо в глаза, девушка на ощупь достала из сумки кошелек и легким движением по кругу расстегнула его.

– Сколько с меня?

Контролер смотрел, не моргая, и на его застывшем лице не было ни одной эмоции.

– Нисколько, – сказал он, оглядевшись по сторонам, чтобы убедиться, что рядом никого нет. – Но в следующий раз, когда сядете на этот маршрут, возьмите два билета! Договорились? – нагнувшись еще ниже и выставив указательный палец прямо у носа девушки, продолжил он.

– Конечно! – с улыбкой ответила Таня и таким же легким движением застегнула кошелек обратно, не сводя взгляд с его пальца.

Поезд дернулся непривычно сильно и начал громко тормозить, подъезжая к очередной станции. За окном проплыла серая асфальтированная платформа, похожая на грузовую баржу, в центре которой стояла синяя будка с маленьким решетчатым окном и большой табличкой с названием населенного пункта.

– Ой! Это же моя станция! – спохватилась Таня и, быстро собрав вещи, поспешила к выходу.

– Спасибо! – обернувшись, бросила она доброму незна-

комцу, чье лицо все так же не выдавало ни одной гримасы.

– Я обязательно возьму второй билет! – уже из тамбура выкрикнула Таня и шагнула на неподвижную грузовую платформу.

Девушка шла около получаса до тех пор, пока не увидела поворот на нужную ей улицу. На лбу проступили мелкие капельки пота, воздух был по-деревенски свежий, солнце стояло уже высоко, а небо было необычного цвета – ярко-зеленого. Да! Это очень необычный цвет для такой хорошей погоды. Зеленым небо бывает обычно тогда, когда отражается в огромной свежей луже, разлившейся среди сочно зеленеющих деревьев. А сейчас не было ни дождя, ни леса, поэтому-то и казалось необычным.

Дойдя до нужной улицы, нужного дома и нужного подъезда, Танины сумки в сопровождении облегчающего вздоха плюхнулись на лавку, а вслед за ними и сама Таня.

«Мрак просто, как далеко от дома», – подумала девушка и откинула голову на спинку лавки.

– Ой! Это кто у нас тут? – сказал старичок-боровичок в майке, трениках, домашних клетчатых тапках и бумажной шляпе на голове, показавшийся в проеме открытой подъездной двери.

Медленно и осторожно, придерживаясь за стену, он преодолел две ступени, вытягивая вперед видневшиеся из-под штанин синие сморщенные ноги.

– Кто это к нам приехал? – еще раз протяжно, с медовой,

утомленной жизнью улыбкой произнес дедушка и закурил сигарету.

Дым стал подниматься ровной голубоватой струйкой и рассеиваться над бумажной шляпой, а резкий запах тут же затмил свежесть сегодняшнего дня.

– Катюша к нам приехала! – выдохнув дым, радовался он. – Катюша!

Таня застыла в изумлении, лицо ее стало удивленно-счастливым при виде такого чуда, а приподнятые вверх брови говорили о том, что пока было не решено, как поступить: то ли сыграть Катюшу, бросившись на шею дедушке, дабы не разочаровать его надежд, то ли сказать правду, мол, никакая я не Катюша, но тоже вполне сойду.

Пока Таня размышляла, как лучше отреагировать, из темной подъездной глубины послышались шаги и оханье. Бубня себе под нос, вышла маленькая, абсолютно круглая, не менее милая и не менее сказочная мадам в домашнем халате и точно таких же клетчатых тапках. По всей видимости, это была бабушка Катюши. Преодолев все те же препятствия в две ступеньки с не меньшим трудом, бабушка Катюши подняла голову и пристально посмотрела на Таню:

– Какая же это Катюша, старый?! Это не Катюша, это девушка какая-то чужая сидит.

А затем, надев выходную улыбку, повернулась всем туловищем к Тане и, немного поклонившись, проговорила:

– Здравствуйте, девушка.

Таня тоже поздоровалась, но с более естественным выражением лица. После чего старички медленно, под ручку поковыляли прочь, а Таня еще около часа сидела на лавке и наслаждалась долгожданным отдыхом после трудного пути.

«Второй этаж – это тебе не десятый», – думала Таня, свежившись из окна кухни своего нового жилища: вида нет никакого, торчит лишь кусок небольшой городской площади, детский городок, с которого доносятся непрерывные крики, создающие звуковой фон, словно радио, и небольшой кусок тротуара, по которому время от времени цокают прохожие. Таня поторчала в окне, внимательно изучив все, что попало в обзор, а затем стала осматривать квартиру сестры. Прихожая узкая и длинная, сразу за поворотом, обклеенным старыми замусоленными обоями, простираются «просторы» шестиметровой кухни, не менее замусоленной, чем те самые обои на повороте.

«Очень непохоже на жилище моей педантичной сестры-перфекционистки», – размышляла Таня, водя кончиком острого носа туда-сюда. Прямо была гостиная, покрашенная в бледно-персиковый цвет, в середине стоял стол, а по обе стороны от него серые бархатные диваны-близнецы, отделанные деревянными вставками. Тяжелые шторы спускались вниз вдоль высокой стены и выписывали кренделя, тисненые золотой бархатной каймой, слабо напоминавшие викторианский стиль. Над диванами – картины: одна – «Ковер-самолет» Васнецова, не оригинал, разумеется, а другая – неиз-

вестная на сей момент Тане репродукция тройки лошадей, несущейся вдаль.

«Это явно не моя сестра повесила, она на такое в принципе не способна, скорее, тут висела бы ее свадебная фотография или та, что сделана в Геленджике – на песчаном берегу, в позе лежащей лошади, – будь то дело рук моей сестры. А еще засохшие цветы в вазочке или под стеклом», – и тут Танин взор пал именно на вазочку, стоящую на полочке с засохшими цветами. Сделано с любовью и драматизмом.

Комната оказалась проходная, и следом за ней была еще одна проходная, а уже из нее проход в спальню. Кто так строил? Зачем столько проходных комнат, если жить в них все равно нельзя – коридоры сплошные? Это старый четырехэтажный дом со скрипучими деревянными полами, высоченными потолками, большими окнами и вытянутыми проходными комнатами. Мрак. И еще так далеко от города.

Ближе к вечеру Таня освоилась, и ей даже стала нравиться новая обстановка, она не спеша раскладывала вещи, представляя предыдущих обитателей этого дома, поскольку бытовые будни своей сестры представлять было, ну, совсем не интересно. И только фантазия девушки хотела было разыграть по полной, как голодный желудок тут же дал о себе знать: кроме утреннего кофе, в нем еще ничего не побывало за день, и он не на шутку рассердился, начав издавать журчание и бурление. Таня сложила в рюкзак необходимое и, перешагнув через свои сумки, стоявшие в прихожей прямо на

пути так, что не споткнуться о них было невозможно, вышла из дома.

Солнце село, и небо помутнело. Таня возвращалась по узкой аллее, по обе стороны, усыпанной лавочками, на которых сидели пенсионеры с палочками в руках, малолетки с набитыми жвачкой ртами и грустные молодые мамы с орущими колясками. Рюкзак был расстегнут и висел на одном плече, из него тянулся тонкий аромат бородинского хлеба. Таня залезла в рюкзак рукой и, шелестя пакетом, отламывала кусок за куском. Что плохого в том, чтобы есть хлеб на улице, как говорится, всухомятку? Что это вообще за сухомятка такая? А слюни? Они что, не считаются? И вообще, где статистика, что от этого умирают? Нету? Всем, кто вытирает глаза при виде съеденной по дороге буханки черного хлеба, до свидания!

Небо стало розоватым, а это означало, что завтра будет жарко. Дотошные комары вились в воздухе плотным жужжащим роем на фоне торчащих из-за макушек деревьев одиноких новостроек в дальней части города и гнали поскорее домой своими назойливыми, колкими укусами. По возвращении обнаружилось, что света в подъезде нет, и Тане пришлось пробираться сквозь кромешную темноту, вспоминая момент прощания с сестрой на вокзале. Она ведь вроде что-то говорила – это было как раз одно из не пойманных колец, которое пролетело мимо, задев кончик уха и прядь растрепанных волос.

3

Следующим утром, после двухчасового принятия душа, Таня выскочила из ванной абсолютно голая и поскакала по коридору на мысочках, оставляя за собой мокрые следы на полу. Никакого отношения к эксгибиционизму это не имело, а было связано лишь с тем, что в ванной не нашлось ни одного чистого полотенца. В его поисках Таня порылась в нескольких шкафах, а затем обнаружила еще одну узкую дверь в коридоре – в гардеробной-то точно есть чем вытереться. Когда Таня замотала голову полотенцем, тело почти высохло, само собой. В кладовой между стеллажами находилась еще одна дверь.

«Закрывается», – дернув за ручку, подумала девушка. Сверху и снизу находились дверные засовы, замазанные толстым слоем краски вместе с самой дверью и стеной. Засовы прилипли намертво, а распаренные пальцы соскальзывали с маленькой задвижки, тем самым разжигая интерес еще больше. Таня не собиралась сдаваться и вспомнила о ящике с инструментами, который видела накануне вечером в коридорном шкафу. Споткнувшись о свои сумки, которые все еще валялись в проходе, она взяла отвертку, пассатижи и вернулась обратно. «Вот теперь-то ты откроешься», – прикусив нижнюю губу, сказала Таня. Все оказалось сложнее, чем ожидалось, но уже через несколько минут краска была содра-

на, засовы искорежены, и дверь сдалась в борьбе с неутолимой жадой удовлетворить любопытство. Дверь открывалась на себя, на пути встали коробки с обувью и большая плетеная корзина с посудой. Через щель в двадцать сантиметров виднелась только темнота, Таня просунула руку и стала водить по стене в поисках выключателя – но его там не оказалось, и тогда девушка расчистила проход, чтобы дверь открылась полностью. Комната была небольшой, может быть, чуть больше кухни, но вытянутой формы. Свет, пролившийся из коридора через кладовую, осветил лишь часть комнаты – много-много картонных коробок, покрытых ровным голубоватым слоем пыли, стояли друг на дружке, деревянная кровать – на ней книги, коробки, набитые полиэтиленовые мешки, старинный деревянный комод, а к нему прислонено стоящее рядом на полу зеркало, завязанное в простынь. Это все, что удалось рассмотреть. На несколько секунд Таню охватил ужас и парализовал ее голое тело, стоящее посреди комнаты в тусклой полосе пролившегося света, словно муху после укуса паука-птицееда. Девственный покой чьей-то некогда существовавшей здесь жизни был разрушен в тот самый миг. Всю таинственность и загадочность ситуации испортил молодой мужской голос из-за стены:

– Кто здесь?

Таня стояла неподвижно.

– Кто вы? Я вас слышу.

Таня испуганно выбежала из комнаты в гардеробную и

придвинула обратно плетеную корзину с посудой, представляя выражение лица сестры, когда та узнает о том, как Таня сломала дверь и голая влезла на соседскую территорию. Но и с ее стороны было опрометчиво забыть предупредить, что квартира коммунальная. Хотя, возможно, она об этом и говорила.

Вечером, когда уличный шум стих и за окном послышался ночной стрекот кузнечиков, Таня снова сдвинула в сторону плетеную корзину с посудой. На этот раз девушка была одета, и в руках у нее был маленький фонарик, найденный в той же коробке с инструментами. Круглое световое пятно медленно перемещалось по темной комнате, останавливаясь на мелочах вроде светильника на стене и содержимого в глубине комода. Каждый шаг сопровождался протяжным, раздражающим глухим скрипом, который издавал старый деревянный паркет, будто разговаривая с девушкой. Ему, видимо, наскучила тишина, и он был совсем не против поболтать. Света в комнате не оказалось, из пыльного перекошенного плафона торчал лишь пустой патрон, окон тоже не было, фонарик стал единственным светилом.

«Очень странная комната, – думала Таня. – Соединяет две части квартиры, а по ощущениям она соединяет вовсе не помещения, а две разные жизни». Бурная фантазия закипела, словно извергающийся вулкан, изливая все новые и новые версии.

– Добрый вечер, – раздался голос за стеной.

В этот раз голос ничуть не испугал девушку, даже учитывая то, что она находится не на своей территории, а, наоборот, был очень кстати, поскольку мог пролить свет на некоторые очень волнующие ее вещи.

– Добрый, – отозвалась Таня.

И в голове ее тут же выстроилась очередь из вопросов, расталкивающих друг друга и пытающихся пролезть вперед, словно народ, стоявший в очереди за чем-то очень важным с омерзительным ощущением того, что важного хватит не всем.

Но для начала стоило все же извиниться:

– Простите, что я к вам вот так – без приглашения, очень уж любопытно стало, что здесь.

– Ничего-ничего! Это ваша комната, можете делать с ней что хотите, – с насмешкой ответил голос. – Хотя, учитывая то, что я не знаю, кто вы и как тут оказались, может, и не ваша.

Голос сказал это с каким-то унижительным акцентом, так, что Тане стало не по себе. «Кто я вообще? Может, вор какой-то, лазаю тут среди старья и хлама в поисках сокровищ», – говорило с девушкой ее внутреннее я.

– Апчхи!

– Будьте здоровы, – нежно, с ласкающей материнской заботой ответил голос.

– Апчхи! – чихнула Таня еще громче.

– Наверное, пыли наглотались, – продолжил голос свои

издевки.

– Спасибо, – шмыгнув носом, сказала Таня и стала вытирать сопли рукавом так усердно, что луч фонарика начал колебаться по стене.

Девушка пыталась представить своего собеседника, заглядывая в щелку замочной скважины еще одной двери, разделявшей две комнаты. Полная темнота – ничего не видно. Видимо, с той стороны щель была чем-то закрыта или попросту в комнате было темно.

– Увидела что-нибудь?

– Нет! – Таня отпрыгнула от двери. – Ты видишь меня?

– Нет.

– А как узнал, что я смотрю в щель?

– Секрет.

– Давай рассказывай.

– Нет.

– Тогда я уйду.

– Иди. Ты все равно вернешься.

– С чего это ты взял?

– Ты уже была тут. Я слышал, как ты ломала дверь, чтобы попасть в эту комнату. Потом вернулась еще раз. Ты вернешься снова, даже если уйдешь, это точно.

– Мистер Логика. Пока!

Таня сделала несколько скрипучих шагов в сторону гардеробной и затаилась в ожидании. «Сейчас он уйдет, и я продолжу», – думала она.

– Не буду мучить тебя загадками, а скажу сразу, чтобы ты не приняла меня за привидение: полы скрипят одинаково во всей квартире, может, где-то меньше, где-то больше, так что твои шаги, если бы ты ушла, продолжали бы поскрипывать, повернув налево. А этого не произошло, из чего следует сделать вывод, что ты дальше либо полетела по воздуху, либо все еще стоишь здесь. Второе более вероятно. Образовалась тишина. А то, что ты подглядывала за мной в щель, я выяснил по твоему дыханию, я слышал его в щели замочной скважины. Надо задерживать дыхание, чтобы быть незаметной.

– Мистер Ухо. Буду звать тебя так, – зашевелилась Таня, снова подошла к двери и, осветив фонариком, стала тщательно ее осматривать.

Эта дверца была помассивнее предыдущей и закрыта более плотно. Звук хорошо проходил, а значит, дверь была не так совершенна, как казалось.

– Ты унаследовала это жилище?

– Нет, я в гостях, сестра унаследовала, точнее, муж ее. А кто тут жил до этого?

– Семейная пара, преклонного возраста. У них был сын, но он очень давно уехал, еще до моего рождения, и ни разу не приезжал с тех пор, так что я слышал о нем только по рассказам стариков. Еще у них была дочь, но она, к несчастью, умерла в младенчестве, ее не смогли вылечить от пневмонии.

– Жаль.

– Все произошло очень быстро в один из ноябрьских вече-

ров, девочка долго кашляла, ночью начался жар, когда пришла медсестра, ребенку уже ничем не могли помочь, и к утру она умерла прямо на груди матери. Этого я тоже не застал, а только слышал из рассказов. Отец семейства умер от сердечной болезни в возрасте около шестидесяти лет, а жена его прожила после еще лет десять и тоже скончалась.

– Какая «счастливая» история. А эта комната кому принадлежала?

– Женщине, вроде как родственнице их семьи.

– Она тоже умерла?

– Да, за неделю до моего рождения, очень хотела меня дождаться, но, увы. Женщина была очень интеллигентная, тихая, ходила мало, ноги у нее были разные – одна короче другой, поэтому передвигалась она со специальной поддерживающей палкой и очень медленно. Передала мне подарок на предсмертном одре. Мать рассказывала, что очень удивилась этому тогда, потому как общались они немного и женщина эта была не особо приветлива с соседями, жила в своем закрытом для всех мире, у нее что-то было с головой не в порядке, но потом она вроде подлечилась и уехала во Францию. Бывала тут наездами, а как узнала, что мать беременна, сразу позвонила и прилетела накануне родов, но, увы, не пережила всего несколько дней. Мама так и не поняла, что ее действиями в тот момент руководило и чем был вызван такой интерес к ее положению. После смерти все сделали вывод, что старуха была уже в маразме и скорее всего спутала мать с

кем-то из своих родственников. Но, поскольку подарок был передан именно мне и иных претендентов на него не было, так оно все и осталось.

– А что там за подарок был?

– Золотая монета – пять рублей. На одной стороне написано: «Чистого золота 39 долей». На другой – какая-то аббревиатура непонятная, очень старая вещичка.

– И что с ней?

– Лежит, ждет своего часа. Старуха сказала, передавая монету, якобы я сам пойму, что с ней делать.

– Вот так заинтриговала!

– Много раз крутил монету в руках, но никаких мыслей в голову не пришло – может, еще не время, – договорил голос и перевел тему. – Дом очень старый, стоит в очереди под снос, и скоро нас всех расселят. «Видела новые дома на окраине города?» – с гордостью спросил Мистер Ухо.

– Да, – без всяких эмоций ответила Таня, продолжая думать о таинственном подарке.

– Я только одного боюсь. Вдруг нам достанется жилье на одном из верхних этажей. Для меня это будут совершенно новые ощущения, и мне страшно осознавать это.

– Ну, во-первых, – заявила Таня как профессионал, – жить наверху очень здорово. Чем выше ты поселишься, тем ближе к тебе будет небо, и его цвет можно будет определить более точно. А во-вторых, скажу я тебе, не беги впереди паровоза и не думай о том, чего еще не произошло, а то заблудишься в

своих мыслях, как в лабиринте, и не найдешь дороги обратно. А сейчас я спать. Пока.

– Ты придешь еще? Ты тут надолго?

– Приду. Не знаю точно на сколько, пока не определилась – сестра вернется только в конце лета, я буду периодически приезжать и поглядывать за квартирой.

– Тогда спокойной ночи.

Когда Таня вернулась в гостиную, луна начала исчезать в серо-голубом тумане рассвета. Это самое красивое время – солнце медленно поднимается из-за горизонта, цепляясь своими лучами, словно руками, за макушки самых высоких деревьев. Таня встретила рассвет и после, задернув плотные бархатные шторы, строго охраняющие ее покой, упала в кровать.

День клонился к закату, когда девушку разбудило настойчивое чувство голода. С тяжелой, словно чугун, головой и болью в ногах Таня встала и поплелась на кухню ставить чайник. Ноги, забытые в связи с новыми впечатлениями, стонали, будто голодные псы, взывая обратить на них внимание. Таня вспомнила рекомендации врача: про ноги не забывать! И затем сразу в голове отозвался голос художественного руководителя танцевальной труппы, который настойчиво рекомендовал заниматься каждый день без перерыва. «Не лениться и не расслабляться» был его девиз, который он произносил так часто, что, стоило ему поднять указательный палец, все сразу понимали, что он сейчас скажет.

После первого и самого приятного утра-вечернего глотка черного ароматного кофе Таня принялась за рекомендации. Для начала нужно проглотить приличную порцию обезболивающего, затем туго замотать ноги специальными бинтами, а уже после вставить на мыски. Таня надела наушники, включила музыку в своем телефоне и, сунув его в карман, начала разминку, лицо ее резко менялось, когда она собирала короткие черные растрепанные волосы в маленький торчащий хвост на самой макушке, и становилось серьезным и взрослым. Так Таня выглядела только в те моменты, когда ее легкое тело порхало над полом, выписывая каждый пируэт так

изящно и безупречно, что даже старый скрипучий паркет замолкал в изумлении. Сложно было представить, что может получаться что-то лучше пантомимы, окутавшей, словно туман, юность молодой танцовщицы. После очередного прыжка Таня замерла, лицо ее покраснело, на лбу выступили капли пота, а ноги неподвижно застыли на месте. Музыка продолжала играть в наушниках, но девушка со злости сдернула их и швырнула в сторону... Боль отступила через несколько минут, после чего Таня смогла сесть на табурет и громко разрыдаться. Это продолжалась минут десять, а следующие полчаса она сидела тихо, уставившись в одну точку: слезы высохли, оставив белые разводы на щеках, в это время на улице уже полностью стемнело.

– Я уже было подумал, что ты не придешь, – сказал голос, когда Таня вкручивала лампочку в патрон.

– Мне нравится тут. Знаешь, у меня такое странное чувство, будто, пересекая черту гардеробной, я попадаю в другой мир, словно тот мир, в котором я живу, остается там, а тут совсем другой, тут меня переполняют эмоции, но совсем не те, что там. Понимаешь, о чем я?

– Фантазерка. А чего ты плакала сегодня?

– Ничего.

– Можешь, конечно, не говорить, это вовсе не мое дело. Просто ты совсем одна, и я подумал...

– Ничего я не одна! – воспротивилась Таня и тут же поняла, что неправда. – Ну, может, и одна, и что? Нельзя попла-

кать?

В ответ ничего не сказали. Таня спустилась с табурета, пошла к двери собеседника и села на корточки:

– У меня болят суставы, и рано или поздно я перестану танцевать. Сейчас лето, есть возможность подлечиться к новому сезону, но все идет сложнее, чем я думала, а я должна танцевать свою роль! Должна – понимаешь?

– Понимаю, – с грустью ответил голос. – Как тебя зовут, скажешь?

– Таня.

– Я Виктор, очень приятно.

Таня встала и начала водить фонарным лучом по стене.

– Где тут может быть выключатель, не знаешь?

– Он у меня, не ищи.

– У тебя?! – удивилась Таня. – Как это?

– Вот так. Зажигать?

– Давай.

В комнате по-прежнему было темно.

– Ничего не горит, – сказала Таня.

– А лампочку ты вкрутила?

– Нет, держу ее в руке.

– Ха-ха-ха-ха! Ты с юмором!

– Ты тоже! – ответила Таня, разглядывая плафон в свете все того же фонарного лучика. – Наверно, контакты перегорели, надо бы его разобрать и почистить. Может, поможешь?

– Нет! – уверенно сказал Витя.

– Почему это?

– Нет, и все.

– Я не кусаюсь и не насилую молодых парней, так что ты в полной безопасности, – с преобладающей долей сарказма сказала девушка.

– Нет же, говорю. Я не могу. Позови мастера, тебе все починят.

– Странно, но дело твое.

– Обиделась?

– Нет, я не обижаюсь на такие вещи, – ответила Таня и снова залезла на табурет.

– Обычно все обижаются.

– Какой смысл обижаться, если я даже не знаю, кто ты, как выглядишь? И есть ли ты на самом деле или всего лишь плод моего воображения, а в этом случае обижаться вообще несерьезно, так как обижаться на собственную фантазию – это уже совсем другая форма шизофрении.

– То есть разговаривать допустимо, а обижаться нет?

– Именно.

– И тебе не страшно от этих мыслей?

– Нет. Потому что ты, скорее всего, все же реальный человек. Это объясняется двумя простыми фактами: чтобы ты появился в моем воображении, я должна была тебя как-то ожидать и представлять тут. Иными словами, ты бы не появился без моего на то желанья. И второе: будь ты мой воображаемый друг, звали бы тебя Александр, а не Виктор.

– Это почему? – возмущился голос за стеной. – Что, любовь твоя?

– А вот и третье доказательство: все воображаемые личности мыслят очень нестандартно, а ты предположил самую примитивную версию.

– Ой, ну ладно.

– Смею тебя заверить, – сказала Таня, слезая с табурета с плафоном в руке, – что воображаемых друзей у меня нет ни одного, впрочем, как и не воображаемых.

– Почему? – спросил голос.

– Не знаю, просто нет, и все. Все, кто могли бы быть мне интересны, почему-то быстро уходят из моей жизни. Так что в этом мы с тобой похожи.

– Ты так уверенно заявляешь, с чего это?

– Логика, друг мой! Человек, проводящий вечера у соседской стенки, вряд ли может быть сильно востребован миром вне этих стен. – Твоя очередь!

– Мы что, соревнуемся кто кого?

– Ну, типа того.

– Нет, я больше не играю в эту игру, – сказал Витя. – Тебе и так нелегко из-за суставов, которые ставят под сомнение твое блестящее будущее, а тут еще я....

– А ты хитрый, – улыбнулась девушка.

– Так что там с Александром?

– Ничего особенного, боюсь, разочарую тебя.

– Я очень удобно устроился и готов внимать каждому тво-

ему слову, – и за стеной послышалось шуршание.

– На летних каникулах в старших классах школы, – начала Таня, – я устраивалась на подработку – в столовую психбольницы, недалеко от дома, где мы жили. Сестра тогда работала одна, ей было тяжело, и, вопреки нежеланию, мне приходилось мыть стаканы и помогать разносить еду по палатам больных, накрывать в столовой к обеду и убирать после. Я точно знала, что это не моя судьба, а всего лишь временная необходимость, я училась в балетной школе, и у меня, казалось, были неплохие перспективы. Поначалу я брезговала, в первый месяц работы я даже сильно похудела – запах больничной еды вызывал у меня страшную тошноту, сохранявшуюся на протяжении всего дня. Даже приходя вечером домой, есть все равно не хотелось, за целый день запах пропитывал мою одежду и стойко сохранялся до тех пор, пока все хорошенько не выстираешь. Вскоре я привыкла, и стало легче, точнее, незаметнее.

День, когда работаешь, пролетает очень быстро. Однажды к нам поступил новый больной: худой, бледный мужчина, весь в шрамах и татуировках, коротко стриженный, с чуткими голубыми, пронизывающими душу глазами, такого маленького роста, что казалось, он болтает ногами, не доставая до пола, сидя на стуле. Новеньких обычно обсуждает персонал, рассказывая друг другу байки из жизни больного и причину, по которой он сюда загремел. Но про этого никто ничего не знал. Мне лишь сказали, что его зовут Александр и

ему можно накладывать порции побольше, чтобы набрал пару килограммов, а то укол вколоть некуда, иголка проходит насквозь – посмеивались медсестры.

Я поднесла поднос и выставила на стол: первое, второе, салат и чай – как и было сказано – порции побольше. Он посмотрел на еду и перевел взгляд на меня так, будто я сделала что-то ужасное. Опыта у меня было уже достаточно, чтобы не обращать на это внимания. Учитывая специфику сего заведения, не редкость, когда больные швыряют еду в персонал, стены, окна и своих же друзей по палате. На этот случай вся посуда – из прочного пластика, а ложки и вилки без острых концов. Но его взгляд вызвал во мне непонятное чувство тревоги, и я постаралась побыстрее уйти, он вдруг окликнул меня: «Я не буду это есть». Мне ничего не оставалось, кроме как попытаться его успокоить: «Это очень вкусно, попробуйте! Наш повар старается...» Он перебил и крикнул громче: «Я не буду это есть! Я не буду кормить червей!» На его крик тут же отреагировал медбрат – двухметровый дядя с большими, словно воздушные шары, бицепсами. Я ушла, а следующим утром мы вновь встретились. Он сидел один за столом у окна, теребил край белой скатерти, свисавшей под стол, был уже гораздо спокойнее, но все еще продолжал голодовку. Пригласив меня за стол, он стал рассказывать о вечности, поделенной на бесконечность, о семи грехах и о том, как черви поражают человека, живущего безмятежной плотской счастливой жизнью. А еще о том, что человек может путе-

существовать во временном пространстве по собственной жизни, проживая ее отдельные моменты в другом измерении. Из последнего получился бы неплохой сценарий для фантастического триллера, но, к сожалению, я не обладала талантом к написанию сценариев. Да и мысли эти были не мои – а его, и красть их мне не хотелось. Сначала мне казалось, что это полный бред, а потом я стала понимать, о чем он говорит, и почувствовала, что у нас есть нечто общее, только у него это уже в более раскрытой форме, а у меня – только в зачатке. День за днем он рассказывал мне все больше и больше, погружая мое, и без него нездоровое, сознание в пропасть бессознательности, унося вдаль от реальности жизни. Несмотря на его убогий вид, человеком он был очень образованным. В основу его мировосприятия лег мистицизм, а истинной его любовью была живопись, он знал о ней все и с таким проникновением рассказывал, что казалось, будто некоторые из работ – его собственное детище. Триптиху Иеронима Босха отводилось особое место, он смаковал каждое сказанное о нем слово, будто сам писал его, и сильно возмущался и противился современному толкованию произведения искусства. У него было свое, совершенно четкое суждение «Страшного суда», в котором немаловажная роль отводилась тем самым червям, что пожирают человеческую плоть изнутри. Так, незаметно для себя, я утратила иллюзию самоконтроля, прожив два рабочих месяца в «Саду земных наслаждений», в котором между тем еще были горы грязной

посуды, стонущие, как собаки, люди и тошнотворный запах больничной еды. Вернувшись к учебе, я осознала плоды его рассказов, изменив мнение о некоторых важных для себя вещах, что сильно повлияло на мое формирование как личности в будущем. Я ощущала невероятную связь с этим человеком сквозь виртуальный мир, присущий и ему, и мне. Бредовые фобии объединяют людей, как ничто другое, словно мы одинаковые бусины на одной нитке. И тогда я поняла, что не все люди больны психически, которых таковыми считают, просто есть люди, чье мировоззрение кардинально отличается от остальных, и понять их могут только те, кто мыслит так же. Человеку дана удивительная способность быть индивидуальным, но большинство людей – вопреки этому – стараются быть похожими друг на друга. Если ты мыслишь не как все, а иначе, – значит, ты болен – надо быть как все, и тогда ты будешь считаться нормальным. Я до сих пор так и не понимаю этих рамок нормальности и ненормальности. Несмотря на эту виртуальную связь, общения с Александром за время работы в столовке мне хватило, и я не стала более искать с ним встреч.

Весь следующий день лил дождь, Таня стояла у стены с задранной вверх ногой и не шевелилась, когда вдруг услышала шум за стенкой. Кто-то настукивал мелодию, похожую ну ту, что в детстве называют тайным кодом. Девушка опустила ногу и растянула шпагат – стук продолжался с не меньшей настойчивостью.

– Иду! Пять минут! – крикнула она.

– Чего тебе? – спросила Таня, войдя в комнату.

– Хотел поболтать.

– Ну, поболтай. Только в следующий раз не мешай мне заниматься растяжкой и не долби в стену, не в каменном веке же живем.

– Да ладно тебе злиться.

Таня удивилась его наглости, но решила оставить это без комментариев.

– Ладно, стучи, но знай, что я могу и не слышать тебя или вообще не быть дома.

– Ты починила свет?

– Да, я все прочистила, осталось собрать.

Шаги отдалились, поскрипели в разных комнатах и вернулись обратно.

– Ты видел, какое сегодня красивое небо? – спросила Таня.

– Нет, к сожалению, – грустно отозвался Виктор. – Но если ты расскажешь мне, то я буду очень рад.

– Оно просто волшебное! Если глянуть, то ничего не увидишь, просто серая муть, но когда присмотришься, то можно заметить яркие сиреневые вспышки и салатовые полосы, пробегающие очень быстро, словно падающие звезды.

– А ты когда-нибудь видела падающую звезду?

– Конечно! – уверенно ответила Таня, стоя на табурете и ковыряясь обеими руками внутри плафона. – Готово! Можно зажигать!

Витя щелкнул выключателем со своей стороны, и свет загорелся.

– Горит?

– А то! – Таня рассматривала комнату впервые при свете яркой лампы, а не тусклого лучика. Все было таким удивительным, что у нее пробежали мурашки по коже.

– Теперь твоя очередь рассказывать, – сказала девушка, распаковывая коробки.

– Что ты делаешь? – спросил Виктор, будто бы не услышав предыдущей фразы.

– Я хочу посмотреть, что здесь хранится, если ты, конечно, не против.

– Не против.

Пока Таня перерывала содержимое в поисках фотографий или чего-нибудь интересного, пытаясь удовлетворить свое любопытство, в разговоре образовалась пауза.

– Ну? – повторила она.

– Я родился тут. Вырос тут. И больше ничего со мной не происходило, таких увлекательных историй, как у тебя, в моей скудной биографии нет.

Таня заподозрила что-то неладное после этого разговора, но, не успев подумать об этом хорошенько, вдруг увидела приоткрытые дверцы комода. В комодe стояла черная коробка в белый горошек, перевязанная шелковой лентой, такой нежной, что стоило только потянуть за край, как та тут же распустила свои объятия и беззвучно скатилась вниз по коробке. К праздничным коробкам Таня испытывала по-настоящему детскую, волшебную, чистую любовь: синие, красные, зеленые, оранжевые, в клетку, полоску, точку, с сердечками, ленточками и бантиками. Все они, будучи разной формы, размера и цвета, были способны исполнить любое желание, стоило только верно определить и вытащить среди них свою. Все эти коробки жили своей самостоятельной жизнью, самые важные всегда носили строгую бабочку на боку и старались быть более плоскими, а те, что отличались легкомысленностью, украшал большой круглый бант в середине крышки, чем-то напоминающий торт. Таня посмотрела на дверь и с восторгом описала свою находку.

– И что же в ней? – с нетерпением спросил Виктор.

– Сейчас: тут...

Таня замолчала от изумления, глядя в коробку, широко открыв рот: там лежали красивейшие пуанты, сшитые из

нежно-розового материала.

– Ну что там?

– Пуанты! – воскликнула девушка. – Совсем новые! Такие красивые! Я никогда даже не мечтала о таких.

– Что это – пуанты?

– Это женские балетные туфли, – Таня покрутила их и нашла на обратной стороне приклеенную этикетку. Буквы выцвели и были еле заметны: изготовитель – английская фирма «Freed of London» – в них танцуют труппы королевского балета, – добавила она с гордостью, после чего вытянулась и аккуратно примерила их.

Нога легла словно влитая, и девушка почувствовала себя настоящей Золушкой, которая после долгих страданий обретает свое долгожданное счастье. Поднявшись на мыски, Таня замерла на несколько секунд, а после подпрыгнула и сделала два оборота. Стены раздвинулись, словно по велению волшебной палочки, пол перестал скрипеть, и огромный занавес поднял свои тяжелые крылья, окатив зрительный зал волшебным светом софитов. Зал рукоплескал, из глубины доносились восторженные крики «браво!», и несколько человек уже поднимались к сцене с цветами в руках, чтобы вручить их.

Все исчезло в то мгновение, когда Таня открыла глаза.

– Витя, – впервые Таня обратилась к своему другу по имени, – мне кажется, что пора перейти черту нашего «черезстечного» общения и взглянуть друг на друга. Как ты на это

смотришь? Кстати, ты можешь войти ко мне через парадную дверь, если не хочешь ломать эту.

Но ответа не последовало.

– Ты боишься меня? – еще раз спросила она.

– Нет! – отозвался голос.

– Боишься себя?

– Тоже нет, просто не хочу.

– Ладно, мое дело – предложить.

Витя постарался переменить тему:

– Ты можешь взять эти балетки себе, раз они тебе так понравились, думаю, никому более они не интересны и их исчезновения никто не заметит.

– Ты же говорил, что у этой дамы были разные ноги?

– Были! Но и туфли ведь неношенные, как ты сама заметила.

– Верно. Но брать я их все равно не буду – это примета плохая, я хоть и не верю в эту чепуху, но все равно стараюсь не нарываться, и так ведь радоваться нечему.

Тане снова стало грустно, и она отложила пуанты в сторону, а затем продолжила рассматривать содержимое коробки, часто моргая, чтобы разогнать скопившиеся слезы и подкативший ком к горлу.

Следующей находкой была книга, при ближайшем рассмотрении – самописная. Таня стерла пыль, раскрыла в середине и быстро пролистала к началу.

– Тут чей-то дневник, – сказала она. – Видимо, этой жен-

щины, которая тут жила. Хочешь взглянуть?

Виктор опять промолчал, а через некоторое время добавил:

– Хочу, чтобы ты прочла его мне.

– А разве можно читать чужие дневники? – лукавила Таня, собираясь прочесть его от корки до корки в ближайшее время.

Голос молчал.

– Ладно, посмотрим! – усмехнулась Таня и вышла из комнаты. – Я пойду помоюсь от пыли, а то уже нос чешется и руки все грязные.

Таня вышла, и свет в комнате тут же погас.

Прошел день, а может, и два, когда девушка вновь появилась в своем убежище. Ее посетило какое-то странное чувство, будто бы в этой маленькой пыльной комнате находилось что-то неопишимо дорогое для нее, интуиция никогда не подводила, и первым тому доказательством служила найденная обувь.

– Ты тут? Эй? – пробираясь в темноте через расположенные на полу мешки и коробки, Таня взывала к свету.

Свет загорелся, дожевывая что-то, она уселась на пол рядом с комодом.

– Хочешь кусочек торта? Шоколад и сливочный крем, – с наслаждением произнесла она.

– Тебе же нельзя торт! – возмущенно отозвался Витя.

– С чего это? Можно, конечно! Если не по килограмму в

день. Мне главное – форму поддерживать и следить за весом. А на постоянных диетах я не сижу – повезло с метаболизмом.

– И сколько ты вешишь?

– Послушай, – перебила Таня, – а ты все время сидишь в этой комнате, никуда не выходя?

– С чего ты взяла?

– С того, что ни разу не застала тебя отсутствующим.

– Если хочешь, я могу уйти, – ответил обиженный голос.

– Нет, что ты! Я не к этому, просто пытаюсь тебя понять, с кем ты живешь?

– С матерью, но она работает целыми днями, поэтому я сижу один.

– А сколько тебе лет, Витя?

– Девятнадцать.

– Ты не можешь ходить? – рискнула предположить Таня.

– Могу – я...

Таня поняла, что ткнула пальцем в небо и промахнулась, да так некорректно, что самой стало не по себе, всему виной излишнее любопытство, а он, может, еще не готов к этому разговору и выжимать из него слова, словно давить сок из лимона, не стоит, по крайней мере, не сегодня.

– Ты готов слушать откровения умершей соседки? – перевела она тему и подумала, что это как-то неправильно, залезать в чужие, давно покинувшие этот мир мысли.

Но процесс был запущен, дневник найден и уже раскрыт на первой странице, к тому же, думала Таня, дневники для

того и пишутся, чтобы их когда-нибудь нашли и прочитали. Девушка открыла книгу и начала читать вслух то, что было написано на первой странице:

«То, что произошло со мной, удивительно и не имеет никакого объяснения, или я его просто-напросто не знаю. Жаль, но я не могу поведать миру об этом чуде, потому что меня сочтут сумасшедшей и остаток своей жизни я проведу в доме для психически больных людей. А я не могу этого допустить, потому что у меня в жизни есть планы, которые, как мне кажется, должны осуществиться. Ради них я буду держать в тайне свою историю...»

– Дальше размыто, ничего не видно. Ты не знаешь случая, что там за секрет был? – сгорала Таня от любопытства.

– Нет. Эх, на самом интересном месте, что там дальше? Таня перелистнула страницу:

«Прошло две недели с тех пор, как мне сделали вторую операцию, но я все еще продолжаю лежать на спине, а моя нога подвешена чуть выше головы к толстой хромированной трубе, пролегающей, словно поручень, вдоль всей койки. Я смотрю на нее и вижу свое отражение: волосы торчат в разные стороны, нос огромный, как у клоуна, а глаза пустые, словно колодцы, одиноко стоящие посреди пустыни. Меня привезли, прооперировали, я лежу тут – в палате для живых людей, за мной ухаживают, кормят, навещают, и никто-никто не замечает самого главного – я уже умерла.

Да, в тот самый день, в том самом месте, в то самое время, когда огромный несущийся поезд разрезал своим оглушительным протяжным гудком мою жизнь пополам... Это обусловлено не тем, что теперь мне придется учиться ходить, а совсем другими факторами. Я твердо решила, что никогда не напишу больше ни слова о своем прошлом и будущем, все будет только в настоящем времени. Я буду жить только настоящим, иначе у меня просто ничего не выйдет».

– Ты понял что-нибудь? – спросила Таня.

– Видимо, ее переехал поезд, и это ее трагедия.

– Как жаль ее.

– Давай дочитаем, а потом будем жалеть, жизнь ведь порой преподносит нам совсем неожиданные сюрпризы.

– Со мной такого не бывало. «У меня все сюрпризы были трагичными», – сказала Таня и погрузилась на минуту в свои воспоминания.

– Смотря, как к этому относиться. Я вот встретил тебя и очень рад, – разоткровенничался Виктор.

– Встретил? Хммм, это так называется разговор через стенку? Ты даже не хочешь взглянуть на меня.

– Послушай, иногда ты очень прямолинейна, мыслишь неординарно, ты ведь сама борец за это, может, мне вовсе не надо смотреть на тебя, чтобы увидеть.

Таня задумалась, опустила голову вниз и, опираясь руками в пол, поменяла положение ног.

– А где твой отец? Он жив?

– Мой отец был вор-рецидивист, имевший слабость к ювелирным изделиям. Он искусно обчищал магазины, раз за разом увеличивая себе срок. В последний раз, когда он попался, его добычей стал всего лишь сервиз из мельхиорового серебра, который он украл, чтобы задобрить очередную жертву – точнее, женщину, но, к сожалению, не успел даже дойти до ее дома, как его повязали. Этот сервиз стоил ему жизни, потому как его форма туберкулеза никак не хотела уживаться с ним в тюремной камере и начала быстро поглощать остатки его легких, словно ворона, клюющая мертвую плоть.

С нами отец жил всего три раза по несколько месяцев, и, увы, я мало что могу вспомнить о нем хорошего.

Я помню лишь, как звенели золотые побрякушки, и запах металла, раздражавшего мой чуткий нос, когда мама сажала меня за обеденный стол. А все остальное я знаю только из маминых рассказов, поэтому могу смотреть на их отношения только ее глазами. Моя мама, по ее собственным словам, была очень красивой девушкой, и за ее внимание всегда боролись несколько человек сразу, видимо, это и помешало ей устроить свою жизнь нормально, ведь выбор – это своего рода испытание, и порой его проходят не все. Зачастую мама рассказывает одно и то же, всегда с одинаковой эмоциональной нагрузкой и никогда не подмешивает ничего лишнего, это дает повод думать, что так оно и было на самом деле.

Виктор перевел дыхание и продолжил:

– Они лежали голые в распотрошенной постели. Она положила голову на его вытянутую руку и согнула ноги в коленях, поглаживая правой рукой его живот. Прошел примерно час тишины, до того, как он произнес: «Теперь ты можешь от нее уйти, я заработал много денег...»

– Постой, постой! Это ты сейчас про своих родителей рассказываешь или зачитываешь фрагмент из бульварного романа 18+? – возмутилась Таня.

– Я пересказываю любимую мамину историю об их отношении с отцом.

– Ааа, – протянула Таня, – просто для меня это необычно, у меня ведь совсем другие воспоминания... Извини, продолжай!

Виктор снова набрал воздуха в легкие и на выдохе заговорил.

– Украл, но в его понимании – это заработал, – вставил Витя с иронией и продолжил цитировать мать:

«И хочу отправиться в путешествие, я полечу в Китай, потом в Сингапур, Малайзию. Знаешь, что я сделаю, когда впервые увижу океан? Я быстро скину обувь и побегу к воде, я буду бегать вдоль берега столько, насколько у меня хватит сил, купаясь в соленых брызгах бездонного океана, открывшего мне свою душу и ласкающего мое тело солеными языками прибоя – такого же бездонного, как моя любовь к тебе.

Теперь ты можешь уйти от нее», – еще раз повторил он, замолчав на некоторое время в ожидании ответа. Но мама ничего не сказала, лишь отвернулась на другой бок, уткнувшись головой в подушку, в это время она уже была беременна мной и начинала об этом догадываться, но полной уверенностью не обладала.

«Я поеду, – уверенно заявил отец, – и хочу, чтобы ты поехала со мной. Это ведь то, о чем мы мечтали так давно. Но ты сама должна сделать свой выбор – ехать со мной или остаться с ней навсегда. А мне придется принять твой выбор, каким бы он ни был».

Мама подняла глаза и игриво посмотрела на отца: «А дальше что? Деньги закончатся, океан не бушует вечно, рано или поздно случится отлив, ты будешь лежать на раскаленном песке под знойным солнцем, лихорадочно вымаливая каплю холодной воды. Что будет тогда?»

В эту минуту отцу стало ясно, что все это была иллюзия, самообман. Мама не собиралась уходить от нее, это была лишь игра, игра, в которой кто-то останется проигравшим. Их страстная испепеляющая любовь, некогда сводившая с ума обоих, вмиг превратилась в туманное, висящее над низиной облако, рассеивающееся в ярких лучах восходящего солнца.

Впервые отец увидел маму за пару лет до этого в офисе своего друга, когда та пришла устраиваться на работу. На работу ее не взяли, и мама сидела в приемной на красном

диване – одетая в белую шелковую блузку, черную узкую юбку, и ее белокурые локоны спускались по узким плечам вниз. В попытках взять на себя бремя социальной нагрузки мама ходила по собеседованиям, найденным в объявлениях печатных изданий. Она просто сидела и теребила пальцами прядь волос, закинув ногу на ногу так, что из-под юбки хорошо просматривался кружевной край чулок. Отец приоткрыл дверь, и взгляд его первым делом пал на вздымающуюся при вдохе грудь, плотно стиснутую в разрезе белой шелковой блузки. Ее обескураженный вид говорил сам за себя, и отцу не составило труда подобрать нужные слова для знакомства. Роман их длился полгода, и, вопреки закономерности, мама теряла к нему интерес быстрее отца. За это время он узнал, что мама проживает со взрослой женщиной, под ее опекой и имеет с ней нетрадиционные отношения.

– Ого! – вставила Таня неожиданно. – А у вас с мамой откровенные разговоры.

– Да, она решила ничего не скрывать от меня, чтобы я знал все, как было на самом деле, это еще не конец, подожди.

– Я тоже всегда хотела иметь откровенные отношения с кем-то из близких, но с сестрой это невозможно, мы слишком разные, и она никогда не старалась понять меня, а больше у меня никого нет.

– Теперь у тебя есть я! – с гордостью и всей ответственностью за свои слова заявил Витя. – Но продолжим завтра, ладно, я обещал матери кое-что сделать сегодня, и мне нуж-

но идти.

– Хорошо.

– Только пообещай мне одну вещь, ладно?

– Обещаю!

– Я еще не озвучил ее.

– Я уже знаю, – улыбнулась Таня и поднялась с пола. – Ты видишь меня через стену, а я слышу тебя без слов. Не буду без тебя читать дневник бедняги соседки, – добавила она, закрывая за собой дверь гардеробной.

Свет в тайной старой комнате погас.

6

Утро началось с дурных новостей о пропавшем самолете над Северным морем. Уже через час нашлись первые обломки и масляные пятна на поверхности воды. Борт обнаружен – передавали в новостях по всем каналам. Оставалось найти черные ящики, посчитать количество жертв и выдать всем родственникам денежную компенсацию. Таня стояла перед телевизором в белой растянутой майке до колен, черных сестринских тапках на голую ногу и прихлебывала ароматный кофе, обняв чашку двумя руками. После завтрака Таня вышла на улицу и побрела в сторону парка: маленький городок, в нем маленький парк, в центре маленького парка есть маленький пруд, а вокруг стоят маленькие лавочки. Это правда или предвзятое ощущение жителя мегаполиса? Тане все казалось маленьким и нелепым. Вдыхая полной грудью свежий воздух, она ощущала, будто бы воздуха не хватало так же, как и всего остального. На обратной дороге Таня свернула на местный продуктовый рынок, в эту сторону ее поманил аромат свежей выпечки, веявший из пекарни под незамысловатым названием «Хлеб». Пекарь, одетый в белый замызганный халат и цилиндрический колпачок, шустро выносил горячие рогалики, булки, ватрушки и прочую сдобу на металлическом подносе и сбрасывал их в деревянные лотки. Во рту появился вкус холодного ломтика сливочного масла,

сползающего с рыхлой горячей корки черного хлеба, только что слетевшего с подноса пекаря. «Последний раз такое себе позволяю», – думала Таня, понюхав буханку и откусив хрустящий край. К полудню она вернулась домой – в двери соседней квартиры торчала записка, девушка заметила ее сразу, как поднялась на этаж. Посмотрев по сторонам, Таня убедилась, что рядом никого нет, и вытащила бумажку: «Здравствуйте, уважаемые соседи! Спешу сообщить вам, что ваш уважаемый кот гадит у нас на балконе. Прошу принять немедленные меры! Спасибо, ваш сосед слева». Таня хихикнула и воткнула записку обратно. «Надо посмотреть, может, и у нас навалил кучку. Сестра обрадуется такому сюрпризу», – подумала она и пошла к себе.

– Представляешь! – рассказывала Таня Виктору содержание записки.

– Там никто не живет! – уверенно заявил Виктор.

– Где?

– В квартире, что слева. Там жил странный мужик с мамой, а потом они переехали в частный дом, а квартиру продали грузинам, что торгуют на рынке постельным бельем. Грузины начали делать ремонт, но их уже с полгода не слышно, бросили эту затею, как узнали, что дом снесут.

– Значит, вернулись.

– Нет, я бы слышал.

– То есть ты намекаешь, что я все это придумала?

– Да нет, ты, наверное, не ту квартиру имеешь в виду.

– Слушаешь?

– Да!

Таня открыла дневник старухи на следующей странице и продолжила читать:

«Всю ночь я не спала от сильной стреляющей боли в спине, а уснула только под утро. И мне приснился чудесный сон – я иду по лавандовому полю, знойное солнце печет мне спину, обжигая голые плечи до красноты. Длинные сиреневые гряды ползут по обе стороны от меня, словно гигантские змеи, и благоухают свежим стойким лавандовым ароматом, устремляясь к подножию белоснежной горы, окутанной в нижней части утренним ватным туманом. Я чувствую каждый свой шаг, иду все быстрее и быстрее, мне легко дышать, и я будто бы парю над землей, отрываюсь от нее, делая очередной шаг, и он становится таким длинным, что я практически лечу, бултыхая ногами в воздухе.

Мой сон прервала вошедшая в палату медсестра, а за ней еще несколько человек. Мне хотелось только одного – чтобы они скорее закончили свое дело и ушли вон. Мне не хотелось слушать их, отвечать на вопросы и уж тем более им улыбаться – зачем они тут? Я ведь мертва. Зачем осматривать и лечить человека, который давно умер, им что, живых пациентов не хватает?! Или они настолько глупы, что не могут отличить живого от мертвого?»

– Почему она называет себя мертвой? Это ужасно.

– Видимо, ей неслабо досталось, – ответил Виктор.

– Мне жаль ее, может, не стоит дальше читать? – поинтересовалась Таня.

– Послушай, ей действительно досталось будь здоров, раз ее переехал поезд, но! Прожила она после этого еще достаточно долго и, имея даже разные ноги, умудрилась укатить жить в Париж. Ты вот была в Париже?

– Нет, не была. Париж – это мечта. Это даже больше, чем мечта, это другая жизнь.

– Вот! Я тоже не был, – сказал Витя, хоть его и не спрашивали об этом, а потом добавил: – Может, она в своем дневнике написала что-то обо мне? Может, объяснила, чем ее заинтересовало мое рождение? А кроме тебя, мне никто его не прочтет.

– Ты можешь прочесть его сам.

– Не могу, – возмущенно крикнул Витя.

Таня догадалась. Вся картинка, словно пазл, собралась воедино, и она решила рискнуть еще раз:

– Ты...

– Я слепой, – опередил он.

Таня не знала, что надо сказать в такой момент, сморщила лоб и начала подбирать в голове фразы: «Не расстраивайся!» – Нет! «А я так и думала». – Нет, глупо как-то. «Для меня это вообще не важно». – Нет, при чем тут я. «А как это произошло?» – Нет, не мое это дело.

В воздухе повисла тишина, и, как Тане казалось, разорвать ее предстояло именно ей.

– Хорошо, – ответила Таня, – я прочту его для тебя, только не кричи больше, ладно?

– Прости.

«Прошла неделя, прежде чем мою ногу отвязали от железного поручня, это освобождение дало мне возможность переворачиваться на бок, а еще через некоторое время – подниматься и садиться на край кровати. Обезболивающие отменили, и боли в ноге стали куда ощутимее, день за днем они терзали мое мертвое тело, как ничто другое, отвлекая от всяческих мыслей. Дни, словно чистые страницы моего дневника, – одинаковые и пустые. Менялись только лица медсестер и таблички с именами на их белых халатах. Утром, входя в палату, сестра натягивала дежурную улыбку, за которой скрывалось холодное безразличие, и меняла мне повязку на ноге. «Все будет хорошо», – приговаривала она, разматывая бинт.

Сегодня утром ко мне в палату положили женщину, я лежала, отвернувшись к стене, а ее положили напротив, на ту кровать, что стояла у окна. Предварительно лечащий доктор оказал мне честь, спросив, не хочу ли я занять то место, но я ничего не ответила и не стала переключаться, даже несмотря на то, что с него намного лучше видно небо: можно хоть целый день рассматривать его че-

рез большие мутные круги, оставленные тряпкой на больничном стекле. Это придает небу особый вид, можно представить, что это не круги, а круговороты небесных мыслей. Несколько первых часов новая соседка спала, издавая во сне тихие стонущие звуки, видимо, это связано с болью, которую она испытывала. За все время в больнице я ни разу не взглянула на часы, сутки делились сами собой на три части стуком проезжающей по коридору тележки с едой и звяканьем тарелок, после чего распахивалась дверь и в палату вносили тарелку с едой и чашку с напитком. В этот момент я отворачивалась на другой бок и злилась – зачем еда мертвому человеку? Когда же они, наконец, поймут, что пора обратить на меня внимание: пощупать пульс на руке, затем на шее и, не обнаружив его, созвать всех остальных врачей, что есть в отделении, чтобы они тоже убедились в моей смерти. Потом зафиксировать все это в карте, привезти каталку, перегрузить мое уже остывшее синее тело, накрыть белой простыней и отправить в морг на растерзание патологоанатома. Пока мое тело будут везти по коридору, вдоль стен соберутся любопытные больные – они будут охать и вздыхать, проявляя чувство жалости и сострадание ко мне, но мне будет уже все равно, потому что мертвые не способны думать и чувствовать. Затем в морг приедут родственники, одетые в черные одеяния, глаза их будут красные и мокрые, хотя я бы предпочла, чтобы они в этот день выглядели хорошо, это ведь последний день, ко-

гда я еще есть в их жизнях. Вот чего бы мне не хотелось – так это вскрытия, как подумаю об этом, мурашки бегут по телу. И вообще, хорошо бы обойтись без всех стандартных процедур, мне они никогда не нравились и нагоняли еще больше тоски.

Врач зашел в палату с большими снимками в руках и, казалось, направился в сторону спящей соседки, но потом резко изменил курс, будто бы опомнившись, и подошел ко мне.

– Как вы? – спросил доктор. – Взгляните! – не дождав-шись моего ответа, продолжил он.

Неуклюже ерзая по кровати, я отвернулась от него и натянула одеяло на голову. Неужели ему не понятно – я продолжала злиться, и подступившая к горлу обида сперла дыхание вместе с душиным ватным одеялом».

Таня перевела дух и перелистнула страницу:

– Знаешь, мне почему-то близка ее история.

– Это потому, что ты думаешь о своих ногах, когда представляешь ее, – разъяснил Витя.

«"Все идет по плану!" – заявил лечащий врач.

"Много ли вы знаете о планах?" – думала я про себя, когда он начал говорить и, видимо, обращаться к снимку: «Операция прошла успешно, все осколки удалось извлечь, кости срастаются хорошо, спицы мы вытащили, и уже через некоторое время вы сможете начинать вставать. Вскоре с вами будет заниматься физиотерапевт, и массажист начнет разрабатывать ногу». Доктор сел на кровать и положил руку на одеяло, а затем неспешно провел ей по моей спине вдоль всего позвоночника. Этот жест привел меня в недоумение, но скорее приятно, нежели наоборот, даже сквозь толстое одеяло я почувствовала тепло его ладони. От этого я сжалась еще больше и затаила дыхание, а доктор, немного наклоняясь ко мне, продолжил говорить низким тихим голосом: "Тройной перелом малой берцовой и большой берцовой кости сделал вашу ногу короче, но с вами будут работать хорошие специалисты, и со временем ногу можно будет растянуть". Я почти не слышала его, пото-

му как все мое внимание оттянула на себя его горячая рука, все еще согревающая меня в районе левой почки, словно водяная грелка, и, к собственному удивлению, мне не хотелось, чтобы он ее убирал. Не увидев от меня никакой реакции, он помолчал, посидел рядом еще пару минут, а затем удалился, отняв теплую руку со словами, что еще зайдет ко мне сегодня».

– Дальше мазня, видно только кусок слова, похожего на «сентября», и еще несколько огрызков, – сказала Таня и посмотрела на дверь.

– Возможно, он намок, когда тут был потоп, у соседей сверху в прошлом году сорвало кран, дома их, конечно же, в тот день не было, и у нас был Ниагарский водопад. Я первым услышал воду, когда она еще заполняла пустоты в полу верхнего этажа, а потом почувствовал ее брызги на своем теле, мне было страшно, я ведь был один и не знал, что делать.

– Почему Ниагарский? – поинтересовалась Таня.

– Просто так сказал – других не знаю, – смутился Витя.

Таня встала на носочки и взглянула на верхнюю полку секретера – там тоже лежали разные тетради и бумаги, скрученные ленты и даже коробочки с лекарствами, настолько выцветшие, что невозможно было прочесть их названия.

– А где твой отец? – спросил Виктор в тот момент, когда девушка тянула руку к стеклянной статуэтке.

Этот вопрос отвлек ее от изучения вещей и заставил по-

вернуться к двери: лицо ее стало грустным и задумчивым. Таня вспомнила сон, который ей приснился в поезде по дороге сюда, глаза ее стали стеклянные, будто бы повернулись в прошлое, и она ответила:

– Я не смогла его спасти.

– От чего?

Таня думала о силуэте, который исчезал у нее на глазах во сне, стирая пальцами пыль с хрустальной статуэтки.

– От того, что он исчез.

– Где? – с полным непониманием спросил Виктор.

– Во сне.

– Ааа! Тогда ясно.

– Дело не в этом, – Таня продолжала говорить совсем непонятные для Виктора слова. – Есть вещи, которые не произошли в моей жизни. Они – уже не произошли, как несостоявшиеся события прошлого. Например, в моей жизни не было выпускного, я отменила его сама, потому что не хотела смотреть на то, как пухлые мамы в длинных ажурных платьях с брошью на груди расцеловывают раскрасневшиеся щеки своих чад, громко выкрикивая, как гордятся ими, и теребя в руках только что полученные дипломы. А рядом с ними стоят усатые папы в пиджаках и лакированных ботинках и тоже гордятся – но молча, периодически растягивая улыбку и приподнимаясь при этом на мысочки, раскачиваясь назад вперед, словно пластмассовая кукла на панели автомобиля. Не хотела, потому что меня никто не теребил бы за щеч-

ки и не расцеловывал в пьянящей радостью эйфории, моих родителей на тот момент уже не было. Мама скончалась от тяжелой болезни, когда мне было всего четыре, я помню из того времени лишь фрагменты: короткие проходы по улице, ее волосы, красный совок, желтый горшок и круглую плоскую белую лампу с тонкими красно-оранжевыми полосками, висящую над моей головой. Как мне кажется, я еще помню запахи, но они скорее уже из моего воображения, нежели из реальных событий. Эти воспоминания для меня очень ценны, поэтому они лежат на отдельной полке моего сознания, закрытой на ключ, на все два оборота до упора, дабы не мешаться с бредовостью моего воображения и ни в коем случае не пересекаться с фантазией.

Отец, – вздохнула Таня, – отец умер за полгода до выпускного, зимой. Как странно это бы ни звучало, он пошел на кладбище к матери, чтобы помянуть ее, и, напившись, уснул в сугробе на ее могиле. Стоял мороз – такой, от которого снег хрустит под ногами, словно свежая капуста, а изо рта валит густой белый пар, как из дымовой трубы. Нашли его только на следующий день, и то случайно, потому что утром вновь повалил снег. Могильщики проходили мимо и заметили торчащий кусок синей спортивной сумки. Не успели обрадоваться находке – как тут же еще одна – неожиданно и странно. Когда в дверь позвонили полицейские, мне сразу стало не по себе. Они сообщили о смерти отца очень холодно и равнодушно, будто сами были уже трупами. Я заполни-

ла необходимые бумажки и бросилась бежать, на мне были валенки и расстегнутая синтепоновая куртка. Сестра была в гостях у своего молодого человека, того самого, который на сегодня уже стал ее мужем. Туда я и принесла эту дурную весть. Глупая смерть, глупая и обидная. Больше ничего говорить об этом не буду, все и так понятно.

На мой выпускной пришла бы только сестра, она бы пришла обязательно! И ни в коем случае не опоздала и сделала бы все, что требовалась от нее, так как груз ответственности за мое воспитание лег на ее широкие плечи плотным ровным слоем в ту самую ночь, когда я принесла ей дурные вести. Но, скорее всего, она не гордилась бы мной, а взглянув в открытый диплом, из которого торчал вкладыш с оценками, лишь сухо и уверенно сказала бы: «Могла бы и лучше».

Именно поэтому я аккуратно переместила свой выпускной в раздел «Несостоявшиеся события моей жизни». Там же оказались: музыкальная школа по классу фортепиано, пионерский лагерь, первый поцелуй с одноклассником под луной на крыше и маленькая противная собачка на тонких трясущихся лапках, одетая в человеческую одежду. Боже, какое уродство! Но еще несколько лет назад это была моя несбыточная мечта.

Все эти вещи и события не произошли в моей жизни по тем или иным причинам, искать которые нет никакого смысла. И даже если сейчас кто-нибудь возмутился бы и сказал, что, в отличие от выпускного и пионерского лагеря, соба-

ку приобрести никогда не поздно, я ответила бы так: «Я ее уже не хочу!» Все мое время, а время этих событий в моей жизни уже прошло, вернуть его никак не получится, а поэтому нет смысла хранить все это в разделе моего сознания под названием «Печаль и сожаления». Как только сие убеждение меня посетило, я незамедлительно выбрала самое укромное место в своем сознании, выкопала глубоченную яму и, проявив максимальную толерантность к собственному эго, со всеми положенными на то почестями похоронила свои неосуществившиеся желания, дабы более не испытывать каких-либо угрызений совести и сожалений. С того момента жить стало гораздо легче, и обида на весь мир за несправедливое отношение к себе покинула меня.

Таня не видела лица Вити, но ей казалось, что в этот момент оно вытянулось, словно тесто, медленно вытекающее из перевернутой кастрюли.

8

Весь следующий день Таня провела за тренировкой, как и наставлял худрук. Во все особенно сложные моменты девушка представляла, как он в замедленном действии поворачивается к ней и поднимает вверх указательный палец – это придавало сил и мужества. От заката до рассвета, с перерывом на диетический обед и стакан воды на ужин – Таня была собой вполне довольна, и настроение от этого взлетело под самые небеса.

– Сегодня я зашла только поздороваться, – сказала она Виктору, открывая коробку, стоящую у нее на пути.

Среди прочего барахла Таня заметила фото, вытащила его из коробки и положила рядом.

– Занята чем-то? – спросил он.

– Угу! У меня сегодня ударный день, все хорошо идет, не хочу прерываться, так что увидимся завтра. Ой, то есть услышимся, – исправилась она.

– Ладно, – погрустнел он.

В этот момент Таня впервые в жизни почувствовала некий груз ответственности за то, что она, возможно, не оказала Виктору должного внимания в этот день, и это чувство не покидало ее вплоть до следующего визита.

Таня снова наткнулась на открытую в прошлый раз коробку с барахлом и внимательно рассмотрела фото, лежавшее рядом: черно-белое, матовое, размер чуть меньше стандартного – десять на пятнадцать.

– На фото изображен человек, сидящий под деревом в меховой шапке-ушанке, армейских ботинках и достаточно толстой куртке. По обе стороны от его ног виден бордюр и газонная трава. На дереве имеется листва и, если внимательно присмотреться, как будто бы ягоды. Человек отвернулся в сторону и уткнулся в ствол, прикрыв лицо руками. Очень интересное фото, – поделилась она находкой с Виктором.

– И сейчас ты скажешь, что у тебя ощущение, словно уже видела это где-то, – усмехнулся он.

– Да! Ты опередил мои мысли, я точно это где-то видела. Я понимаю, что тебе смешно, но это чистая правда.

– Это паранойя, слыхала о таком? – продолжал собеседник, у которого было игривое настроение.

Таня села на пол и молча стала вытаскивать вещи из коробки одну за другой, прикрывая нос от пыли.

– Даже не представляю, где ты могла видеть мужика, сидевшего у дерева, это ведь такая редкость, как такое не запомнить.

Таня продолжала молчать, сидя на полу и скрестив ноги,

ее глаза были опущены вниз, а лицо принимало все более обиженное и замкнутое выражение.

– Обиделась? Ну ладно тебе, просто иногда ты очень забавно рассуждаешь.

Таня закатила глаза и молча сделала гримасу в сторону двери Виктора.

Через несколько минут голос за стенкой снова заговорил:

– Ты будешь читать мне сегодня?

– Я уже читаю, ты что, не слышишь? – съязвила Таня, желая нарочно обидеть собеседника.

– Нет.

– Ну, тогда сам после прочтешь, я положу дневник тебе под дверь.

– Договорились.

После некоторой паузы Тане показалась, что она переборщила с издевками, и она стала подбирать слова, чтобы извиниться, это ведь не простой случай, когда можно так пошутить.

– А знаешь, – начал Виктор первым, – почему я не хотел говорить о себе? Совсем не потому, что стеснялся, я себя принимаю таким, каков есть, я нашел массу преимуществ своего положения и совсем не страдаю от своего недуга. Но мне не нравится то, как меня воспринимают окружающие люди – неполноценным. Я ненавижу жалость к себе, жалость – это самое отвратительное из всех свойственных человеку чувств, оно только мешает жить, заставляя человека болтать-

ся в некоем пространстве между действительностью и воображаемой ситуацией, созданной сострадальцами, – ведь из жалости мне врут и лицемерят, думая, что я этого не вижу. А я «вижу» – вижу гораздо больше и яснее зрячих людей. А ты разговариваешь со мной без капли жалости и сострадания, мне нравится это, я чувствую себя хорошо.

Таня подошла к двери и почувствовала непреодолимое желание увидеть Виктора, она представляла его, перебирая в голове образы молодого человека, сидящего за стенкой. Ей виделся худощавый паренек с белой кудрявой головой, похожей на раскрывшийся после цветения одуванчик, с курносом носом и щербинкой на передних зубах. Пусть он будет таким. Ничего не сказав, Таня вернулась к своему месту у секретера, села на пол, облокотилась, поджав ноги в коленах, и раскрыла дневник.

«"Некоторое время" – со слов доктора Андрея Сергеевича – заняло полгода. Хорошо, что я сразу не знала об этом, иначе выдержать их было бы куда сложнее. В день выписки за мной приехали родные и друг нашей семьи Михаил, которого я до настоящего момента ни разу не видела. Миша – как его все называли – был два метра в высоту и примерно столько же в объеме, лицо его в точности походило на морду сенбернара – золотистые глаза, непонятно что отражающие из-за красных нижних век, и брыли, свисающие до шеи вместе со вторым и третьим подбородками. На го-

лове – взлохмаченные волосы, а сзади зафиксированные подушкой пролысины, оставленные примерно несколько дней назад. Рубаха в синюю крупную клетку еле-еле сходилась в области живота, образуя овальные щели между пуговицами, из которых проглядывали волосы и пупок. Стойкий запах перегара наполнил небольшую больничную палату уже через несколько минут после прихода гостей, в то время, когда меня уже пересаживали в кресло, чтобы проводить к выходу. На мне было сиреневое широкое платье с кружевами и белые валенки сорок пятого размера – больше ничего на больную ногу пока не нашлось. Моему удивлению не было предела, пока я не узнала, зачем пригласили друга семьи, с которым до сего момента мы не встречались, в столь важный для меня день. Оказывается, доктор рекомендовал еще несколько месяцев поднимать и спускать меня по лестнице в вертикальном положении, а для этого нужна сила сильная – совсем такая, какая есть у Миши. Затем-то он и приехал ко мне в больницу, любезно согласившись в буквальном смысле взвалить на себя все мои перемещения. Это обстоятельство, преподнесенное как факт, заставило меня волноваться и испытывать неприятные чувства, представляя телесный контакт с Мишей, но я ничего не сказала, а лишь улыбнулась, когда нас представили друг другу.

Время научило меня ценить то, что дает мне жизнь, хоть я и была до сих пор трупом, погруженным в пучину комплексов, страхов и шизофренических видений, наполнив-

ших мою жизнь до краев, но я все же старалась включаться в реальность и радоваться происходящему.

Медсестра осмотрела палату в поисках забытых вещей и, не обнаружив таковых, толкнула коляску вперед к двери, в то время как я, сидя в ней, вдыхала запах свежих хрустящих тюльпанов, окунувшись в них с головой, в прямом смысле пытаюсь заглушить запах перегара. В дверях показался Андрей Сергеевич, он широко улыбнулся и, сделав шаг вперед, присел у моих ног, приблизительно так же, как присел бы человек, желающий сделать мне предложение руки и сердца, только вместо кольца в руке он держал мою выписку и сменный хирургический бинт.

– Не забывайте вытягивать ногу вперед, – повторил он свои предписания, покручивая мою лодыжку в разные стороны, – вот так (потянув мою ногу и сделав мне больно в такой приятный романтический момент).

Я выглянула из-за букета и посмотрела на него. Прямо ему в глаза. По телу пробежал острый тонкий электрический разряд и остановился в ноге, сжатой его сильными горячими руками.

– Хорошо, – ответила я и кивнула головой, не отводя глаза.

То ли он был потрясающе красив, то ли мне так казалось в силу испытанного мной стресса. Возможно, это всего лишь моя душа трепетала от желания быть заполненной любовью и заботой.

– Тогда я жду вас через две недели на приеме, – доктор поднялся с колен и, улыбнувшись, вышел первым.

Для меня это было что-то вроде назначенного свидания, и я стала планировать, что надену в этот день, пока меня везли по коридору к выходу.

Мне ужасно хотелось домой, в свою маленькую уютную квартиру, где было так, как нравится мне, где можно было закрыться ото всех и не вылезать из постели несколько дней, в маленький мир, принадлежащий только мне одной. Но, увы, это было невозможно: перемещаться без помощи посторонних никак не получалось. Чтобы помыться, мне приходилось прибегать к помощи одного, а то и двух людей, сложно представить, насколько это невыносимо.

Итак, я приехала жить к родственникам, меня привезли и сгрузили в предварительно подготовленную для меня отдельную комнату, которая изначально планировалась как большая гардеробная. Также она соединяла две части квартиры, принадлежавшие разным хозяевам. Миша с легкостью выполнил возложенную на него миссию и, загрузив меня на спину, словно большой походный рюкзак, поднял по лестнице на второй этаж. Неприятные ощущения от этого были несравнимы с тем, что я стала обузой для семьи своей сестры. У них вот-вот на свет должен был появиться малыш, а я со своим недугом вторглась в их жизнь и повисла как дамоклов меч и, возможно, даже изменила некоторые планы. Я чувствовала это, хотя никто не подавал

даже вида, все радовались моему появлению в доме, создавая призрачность благополучия».

– Я ее очень понимаю! – прервала Таня чтение. – Очень! Я тоже была обузой для своей сестры, когда умерла мама, а затем отец, она делала вид, что любит меня, но в душе носила обиду на жизнь, за то, что та лишила ее преимуществ молодости, всучив опеку надо мной, при том, что я была очень непростым ребенком. Точнее сказать, мы просто очень разные.

– А я не сложный! – заявил Виктор. – Я многое делаю по дому и стараюсь не напрягать мать своим присутствием. Порой она по нескольку дней не замечает меня, занимаясь устройством своей личной жизни.

«Я лежала на кровати, уставившись в потолок, в уютной маленькой комнатушке без окон, не отличая день от ночи, не видя дневного света и блеска солнечных лучей, до тех пор, пока в дверном проеме не появлялся огромный силуэт моего носильщика с разящим смрадом спиртного. Он выносил меня на улицу, сажал на лавку, а сам садился на другой конец и, отвернувшись в сторону, закуривал сигарету. Мы почти никогда не разговаривали, думаю оттого, что не находили общих тем, а давиться дежурными фразами только ради того, чтобы что-то сказать, нам обоим было не нужно, в этом мы были солидарны. Время прогулки зависело от погоды и моего желания – иногда мы сидели часами, за это время Миша несколько раз успевал закинуть голову кверху

и захрапеть. Храп его длился недолго, становясь все громче и громче, отчего, собственно, и происходило пробуждение. Затем он встряхивал головой, шлепал губами и снова закурил сигарету. Я тоже иногда закрывала глаза, но не для того, чтобы похрапеть, а только лишь от яркого солнца, от которого мои глаза успели отвыкнуть за время пребывания дома. После прогулки Миша затаскивал меня обратно в комнату и, наследив грязными ботинками, уходил на кухню поболтать со своими друзьями. Я никогда не присоединялась к их посиделкам – им и так хватало меня более чем. Стараясь вести себя тихо, я закрывалась в своем склепе и думала о своей жизни, знала наперед многое из того, что произойдет со мной в будущем, но почти ничего о том, чем закончится каждая из происходящих со мной историй. Я зажимала глаза и пыталась перенестись обратно в тот день, когда со мной произошла трагедия, уводя себя от этого момента в разные стороны. Я пыталась вернуться обратно и изменить этот день в целом – можно было остаться в кровати и целый день провести под одеялом, не вылезая даже на перекус. Зажмурив глаза, я старалась оказаться там, старалась так сильно, что мне даже слышался громкий протяжный гудок электропоезда, но, очнувшись, я оказывалась там же, где и была, – на своей кровати, в склепе, освещенном слабым светом ночника, с двойным переломом большой и малой берцовых костей, который сделал мою ногу короче на несколько сантиметров. Я знала, что, когда я

начну ходить, часть разницы оттянет на себя тазобедренный сустав, облегчив передвижение, но перекосив при этом мое тело так ужасно, что мне не захочется смотреть на себя в зеркало. Я стану хромая и перекошенная. И мне надо вернуться обратно и изменить это, я же могу, точно могу это сделать, нужно просто понять как».

– Я не понимаю, посредством чего она собирается вернуться в прошлое? – прокомментировала Таня.

– Мать говорила, что после полученного сотрясения мозга она стала немного куку – вроде ничего никому не говорила, но делала какие-то странные вещи.

– Какие?

– Путала людей, мою мать с кем-то спутала.

– Да, ты говорил.

– Интересно, ей удалось вернуться? – посмеялась Таня.

– Нет, она же так и была всю жизнь хромая, – серьезно заявил Витя. – Как будто, если бы она перестала хромать, можно было бы подумать, что ей удалось вернуться в прошлое и изменить этот несчастный день.

– А может, она изменила! Но не этот день, а какой-то еще, считая его неудачным, а это уже стало следствием изменений.

– Это очень сложно, – после паузы задумчиво сказал Витя. – Если бы изменилась некая ситуация, то знать о ней она уже не могла, потому как ее попросту не было.

Таня помотала головой и, захлопнув дневник, встала.

– Я пойду, мне еще надо одно дело сделать, – сказала она.

Все утро лил дождь, он звонко стучал по крышам домов, задорно брякал по металлическим поверхностям, пробуждая Таню ото сна. Капли ударялись о козырек подоконника, от удара подлетали вверх и разбрызгивались мелкими мокрыми точками по стеклу. Таня накинула халат и распахнула балконные двери. Прохладный воздух, будто поджидая этого момента, тут же ворвался в комнату, взяв в свои объятия сонную девушку. Таня запахла и вышла на балкон, ступив босыми ногами на холодный и влажный каменный пол. С нижнего этажа струилась тонкая голубоватая струйка дыма, а за ней вылетало целое серое дымовое облако и медленно растворялось в листьях яблоневого дерева. Таня услышала знакомый кашель и высунулась с балкона, чтобы посмотреть: дедушка Катюши сидел в кресле и переворачивал газетные страницы, откладывая в сторону уже прочитанные.

Таня снова попыталась представить Витю, из ее головы никак не выходил образ жизнелюбивого одуванчика, и тогда она, зажмурив глаза, представила его с темным цветом волос – получился все тот же одуванчик в черном, неаккуратно надетом парике, что напомнил ей бомжа в шапке под рябиновым кустом у магазина. Вспомнив о нем, Таня перерыла несколько ящичков с вещами, пока искала фотоаппарат сестры, и, обнаружив его, отправилась на центральную площадь.

Дождь стих, и сквозь густые тяжелые тучи стало пробиваться солнце.

«Я сделаю фото и сравню его с тем, что нашла в тайной комнате, проведу свое маленькое расследование, – думала она. – Мне нужно это сделать, чтобы убедиться в том, что это просто похожие люди, а не один и тот же человек, который сидит тут целое столетие».

На улице было все спокойно, люди неспешно бродили по площади, пересекая ее вдоль и наискосок, словно шашки на игровой доске, такие же одинаковые и невозмутимые, – каждый по своей траектории, вот только поехали они друг друга не на игровом поле, а каждый у себя дома, скрывая под маской свое истинное лицо.

Таня выбрала удобную точку и, зажмурив один глаз, посмотрела в объектив фотоаппарата – ракурс не тот, слишком далеко. Она приблизилась на расстояние, с которого ее действия были хорошо видны мужику в шапке. Он смахивал на местного бомжа, который после удачной находки с довольным лицом рылся в каком-то мусоре. Таня сделала снимок и тут же пошла прочь, спрятав фотоаппарат в сумку. Ей стало ужасно неудобно за столь наглое поведение, и она поторопилась скрыться. Мужчина, увидев вспышку, довольно быстро среагировал и успел отвернуться, закрыв лицо руками. Еще несколько прохожих обратили внимание на Таню и проводили ее недоумевающими и немного осуждающими взглядами.

«Наверно, – думала она, – если бы меня так щелкнули, я

бы догнала этого человека и потребовала объяснений!» Тягостное чувство стыда за свой поступок Таня ощущала еще некоторое время и, придя домой, стала заниматься растяжкой, чтобы отвлечься от неприятных мыслей.

Рассказывать об этом Виктору, когда он поинтересовался ее делами, Таня не стала, а сразу продолжила чтение дневника:

«Сегодня был весьма необычный день, он лег ярким пятном на мои серые одинаковые будни, и я постаралась скорее описать его, пока мельчайшие детали не растворились в моем сознании. Это была среда, утром в привычном режиме кипящей спешки все разбежалось на работу, оставив мне слегка недожаренный омлет из двух яиц с помидором и йогурт с торчащей в нем ложкой, хоть с ложкой мне удавалось справиться и самой, я находила это излишней заботой и ставила дополнительный плюстик в копилку своей сестры. Миша в этот день был свободен и обещал вывести меня на прогулку в первой половине дня, обычно в такие нерабочие дни он приходил около десяти часов утра и уделял мне время до полудня. Я неспешно собралась и стала ждать, но его не было. Стрелка часов показывала пятнадцать минут двенадцатого, когда я начала думать, что сегодня он не придет, – видимо, у него появились дела, или он просто забыл про меня, перебрав накануне вечером лишнего. В половине двенадцатого замок входной двери отворился и послышались чьи-

то шаги, направляющиеся в мою сторону. Я приподнялась с кровати и вопросительно выглянула из-за комода: молодой человек, одетый в белую рубашку, идеально отглаженные брюки, чисто выбритый и аккуратно причесанный, остановился в дверном проеме, а до моего носа донесся приятный свежий аромат мужского одеколона.

– Здравствуй! – сказал новый, для меня, Миша.

Я поздоровалась в ответ и стала подбирать слова, чтобы выразить свое восхищение!

– Ты женишься сегодня? – спросила я.

Он усмехнулся и отметил, что погода с самого утра великолепная и хорошо бы поспешить на улицу, подставив мне свою спину. Я висела на нем максимально аккуратно, стараясь не помять пиджак и не испачкать брюки вытекающей из-под бинта мазью. Миша уверенно прошагал мимо нашей привычной лавки и направился в сторону парка, согнувшись сильнее обычного, чтобы мне было удобнее сидеть, не соскальзывая с его спины. Мы остановились около пруда, в котором плавали небольшими стайками серые утки, они нырявали в воду в поисках пищи, по очереди внезапно исчезая с поверхности воды, а через некоторое время всплывали обратно и тут же отряхивали головы, издавая характерное кряканье.

Миша посадил меня на длинное широкое бревно, лежавшее вдоль берега, словно гигантский змей, и сел рядом. В этот день он впервые заговорил со мной так искренне, что у ме-

ня накатились слезы, хотя, наверно, накатились они не от этого. Обстановка навеяла на меня воспоминания из детства – крики уток и запах свежего белого хлеба, он крошился в руках, разлетаясь по сторонам в месте надлома и испуская приятный сдобный аромат, и летел большими кусками в воду. Утки налетали на него и рвали, выхватывая кусок друг у друга из клюва, не замечая, что рядом плавают такие же куски, уже облепленные стайками мелких рыбок.

Хлеба у нас не было, и мы просто сидели, наслаждаясь теплыми весенними лучами солнца.

– Я решил измениться, – начал он.

– Это правильное решение.

– Я устал быть таким, я противен окружающим и самому себе, я помню твой взгляд, когда ты увидела меня впервые в больнице, наверно, ты подумала тогда: что это за бомж пришел? Как его вообще пропустили в больницу?!

Мне стало неудобно, потому что он был прав, но я даже не подозревала, что мои мысли так легко читаются во взгляде незнакомыми мне людьми, и решила взять это на заметку, надев солнечные очки.

– А вскоре я перестал замечать эти взгляды – они стали нормой, и я привык к себе. Но сегодня утром я взглянул на себя в зеркало, и мне стало противно и тошно от вида собственной физиономии, я умывался, обдал ледяной водой лицо, пытаюсь смыть его с отражения в зеркале, но, намокшая, оно становилось еще ужаснее. Я понял, что так боль-

ше не могу, это просто слабость, это легкий путь, который я выбрал для себя, оправдываясь своим горем.

Он достал сигарету из пачки и, покрутив ее в руке, засунул обратно.

– Тебе тоже досталось неслабо, но ты не топшишь горе в бутылке, – повернувшись ко мне, сказал он, желая продолжить, но ожидая при этом моего одобрения.

– Что произошло? – спросила я.

Он помедлил, а потом снова заговорил.

– Мы отмечали мой день рождения, я снял ресторан, хотел устроить праздник для всех, пригласил наших друзей. Моя жена была очень красива в этот день – на ней было длинное черное платье с вырезом на спине и крупные жемчужные бусы, но в этот день ее красота принадлежала не мне. Наша жизнь протекала отнюдь не так гладко, как хотелось бы, и вскоре я начал подозревать ее в любовной связи с другим мужчиной. Она хотела уйти и вот-вот было призвалась мне, но я оттягивал этот момент, как мог, в надежде, что это временная страсть, которая скоро растает сама собой, и в нашей семье все наладится.

Я любил ее и не хотел отпускать, несмотря на разлад, остудивший былую любовь. Мы старались зачать ребенка, о котором она мечтала, но ничего не выходило, и вскоре секс для нас стал работой, не приносящей никаких результатов.

Я очертил круг подозреваемых, с кем она могла бы иметь

отношения, и специально пригласил всех на праздник. Весь вечер я упорно ловил взгляды всех ее потенциальных возлюбленных, стреляя глазами, словно лазерным лучом, сканирующим насквозь их мысли, но ничего подозрительного не замечал ни в одном из них. Тогда я решил схитрить и сделал вид, что сильно напился и превратился в полную размазню, уснув на стуле в самый разгар праздника. Это сработало – очнувшись от псевдосна, я заметил хвост ее платья, завернувшийся за угол в сторону кухни ресторана, где находился небольшой банкетный зал. Спешно пересчитав гостей, я обнаружил исчезновение нескольких, часть из них стояли на крыльце и, дымя сигарами, весело рассказывали друг другу какие-то байки; в моем поле зрения не было только одного человека – моего институтского друга, мы познакомились во время учебы, и он, за неимением своего жилья, бывало, находил приют в моем доме, ел мамины блинчики по утрам и спал в моей комнате под моим одеялом. После учебы он удачно устроился и широкими шагами поднялся по карьерной лестнице. Его не было в моем черном списке, он пришел на праздник со святым желанием искреннее поздравить меня. Находясь в командировке, он специально выкроил время и утренним рейсом прилетел на день рождения, предупредив заранее, что сделает для этого все возможное, но на сто процентов не обещает.

Я сделал глоток вина и собрался встать из-за стола, как тут сидевший справа мой старший брат хлопнул меня по

плечу и бокал, поднял собираясь сказать тост. Он говорил долго, вспоминал, желал, признавался в любви, в то время как в моей голове разворачивалась сцена, происходящая за стенкой, и кровь горячо прилиwała к вискам. Я представлял ее шею, плечи и шарики жемчужных бус, перекатывающиеся в чужих мужских руках. Я встал и пошел в ту же сторону, куда повернула она, – в банкетном зале было темно и тихо, я резко включил свет и увидел их вместе, они прижимались друг к другу, ляжка ее платья сползла почти до локтя, волосы были взъерошены, а взгляд испуганный и виноватый. Я не знаю даже, из-за чего я расстроился больше – из-за измены жены или предательства лучшего друга, в совокупности эти факты привели меня в ярость, до сих пор мной не познанныю.

Я развернулся и вышел вон, она побежала за мной, выкрикивая мое имя и поправляя ляжку платья. На улице было морозно, я давил тонкую корочку льда праздничными лакированными ботинками с вытянутыми носами, она бежала за мной, неуклюже поскользываясь и подхватывая руками подол платья, призывая меня остановиться и выслушать ее. Я остановился, ослабил душащий меня галстук и повернулся к ней – ее виноватые, мокрые от слез глаза были черными от размазанной косметики, но все еще такие же любимые, как раньше, они отражали лишь вину, но никакого взаимного чувства в них не было.

Моя ярость достигла своего апогея – я замахнулся и уда-

рил ее со всей силы по лицу, не дав сказать ни слова, тем самым выразив всю глубину своего разочарования в ней.

От неожиданности и силы удара она упала на землю и схватилась за лицо руками, а я развернулся и пошел вперед, слыша, как сзади остановилась машина. Она села в нее, и машина с визгом колес умчалась вдаль, обогнав меня на дороге.

Больше мы не виделись. Она даже не забрала свои вещи, я собрал их и отвез ее матери, она охала и ахала, увидев меня, стыдясь поступка своей дочери, а после еще некоторое время звонила мне, чтобы узнать, как дела, беря еще большие мои кровоточащие раны.

С ним мы тоже больше не встречались. Но я знаю, что они живут вместе, и это не дает мне покоя.

Миша перевел дух и снова достал сигарету из пачки, на этот раз тут же прикурил ее.

"А что тут такого страшного?" – подумала я, ожившая услышать более трагическую историю. Такое случается в каждой третьей семье, люди достаточно быстро оправляются и стараются всеми силами стать счастливыми назло бросившей их половине. Это не отняло у него возможность жить своей прежней жизнью; не сделало его ноги разной длины, а лишь задело самолюбие. На такую трагедию надо отводить не более полугода, а не полжизни, и не превращаться в чудовище.

– Я очень сочувствую тебе, – ответила я, глядя на него

через темные очки. – И все же очень рада, что ты решил изменить свою жизнь, взять себя в руки. Я уверена, что ты обязательно встретишь прекрасную девушку, с которой вы будете счастливы, – более дежурной фразы сложно было себе представить, но, к сожалению, в этот момент в моей копилке фраз ничего другого не нашлось.

Я наклонилась, подняла с земли небольшой белый камень и швырнула его в пруд. "Наверное, – думала я, – своя беда всегда воспринимается острее и ужаснее, чем беды остальных. Ведь почувствовать всю полноту несчастья можно, лишь пройдя через него, а никак не выслушав чужую историю"».

Таня глубоко вдохнула и, на выдохе лизнув указательный палец, перелистнула страницу.

– Похоже, у них вскоре завяжется роман, – прокомментировал Витя.

– Я не уверена, ей сейчас не до него, и вообще, я думаю, такие мужчины не в ее вкусе, и если у них что-то и будет, то продлится недолго. Он ведь снова запьет через некоторое время, – возразила Таня. – Ты же не думаешь, что он будет ходить в наглаженной рубашке всю оставшуюся жизнь?

– Я склонен верить в его силу воли! – сказал он. – Все окружающие его люди думали так же, как и ты, так что если он и сломался, то это отчасти из-за того, что в него никто не верил. Успех в большинстве случаев зависит от восприятия ситуации окружающими. А если они не верили в него,

а только считали дни до того, как он снова сорвется, то так оно и произошло.

– То есть виноваты окружающие?

– Нет, ты очень буквально все воспринимаешь. Никто не виноват, я говорю лишь про поддержку. А в целом все зависит только от самого человека.

Таня перевернула страницу и продолжила:

«Домой с гулянки мы вернулись в половине седьмого, еще в коридоре чувствовался запах жареной курицы и печеной картошки, так сладко манящий за обеденный стол. Мне не хотелось есть, а Миша поторопился донести меня до моей кровати и сразу же отправился ужинать. Я не спеша разделась и стала готовиться к отдыху, когда услышала звонок в дверь. "Наверное, это друзья, желающие присоединиться к ужину", – думала я.

– Тебе привезли вещи, – сказала сестра, войдя в комнату.

– Какие вещи? – удивилась я.

Она раскрыла дверь пошире, и в комнату, и без того маленькую, какой-то неизвестный мужчина втолкнул несколько больших коробок.

– Вот тут вроде все! – сказал он, отряхнув куртку.

– Это вещи из твоей квартиры. Теперь там будут жить.

Я все поняла и попросила оставить меня одну. Дверь закрылась, и по моим щекам покатились крупные соленые слезы. Я не стала открывать коробки и копаться в своем про-

шлом, мне хотелось скорее избавиться от них. Той жизни уже нет, так зачем хранить вещи? Это груз, привязанный к моим ногам, тянущий меня на дно, в то время как я изо всех сил гребу к берегу.

Я позвала Мишу.

– Послушай, – сказала я, когда он вошел и закрыл за собой дверь, – у меня есть к тебе одна просьба: ты сегодня решил изменить свою жизнь, и я тоже хочу это сделать, но для этого мне нужен ты.

Миша сел на стул рядом и посмотрел на меня искренним, понимающим взглядом.

– Я хочу избавиться от этих вещей, но не просто выбросить, а сжечь их. Они не должны существовать, так же как не существует меня той, что была раньше. Может быть, мое решение покажется тебе поспешным, но мне нужно сделать это как можно скорее, в этой жизни их быть не должно, вещам следует быть там, где осталась я.

Миша растянул верхнюю пуговицу на рубашке, покрутив шейю в разные стороны, и сказал, глядя на коробки:

– А что в них?

– Там вещи той девушки, которая умерла. Этого тебе знать достаточно, а теперь просто сделай то, о чем я тебя прошу.

– Ну ладно! Завтра я... – начал он.

Я тут же его перебила:

– Сегодня! Это надо сделать прямо сейчас!

Мне казалось недопустимым пересечение моей прошлой и настоящей жизни, в моей голове происходил какой-то сбой, и все шло не так. "Вдруг я окажусь снова там, и мне придется пройти весь этот путь заново", – думала я.

– Ну, я тогда за машиной пойду? – спросил Миша.

– Иди!

Он нравился мне тем, что не задавал глупых ненужных вопросов – тех, что ставили бы меня в тупик, он просто делал так, как я просила, в отличие от сестры, которая иногда под кожу влезет ради удовлетворения своего любопытства, не думая при этом о чувствах других. К счастью, ее внимание в этот вечер полностью принадлежало гостям, и мне не пришлось с ней объясняться.

Миша вернулся через полчаса, за это время я успела привести себя в полную готовность к выходу, точнее, к выносу. Он переоделся в спортивную одежду и, войдя, спросил:

– Ты точно решила? Может, подумаешь до утра?

Я решительно помотала головой, после чего он взял самую большую коробку и понес к выходу. Когда комната опустела, он поднялся за мной и аккуратно загрузил на плечи, я была словно очередная коробка – хлам, который предстоит сжечь (но на это он, надеюсь, не согласился бы).

– Я знаю одно место, оно на окраине города, вдали от населенного пункта, можем поехать туда, там нас точно никто не побеспокоит, – проявил он инициативу.

Я кивнула в ответ и повернулась к окну.

– Устала?

– Нет, просто задумалась, – если честно, в этот момент мне совсем не хотелось говорить, но это было бы невежливо с моей стороны.

– Если бы ты мог изменить один день в своей жизни, какой бы ты выбрал?

– Да много таких дней, – усмехнулся он.

– А если все-таки один?

Миша задумался. Фонарные столбы проплывали мимо, заглядывая в салон узкими полосками света, и на секунду освещали лицо, а затем перемещались на потолок и исчезали, в то время как снизу уже появлялись новые. Настала тишина, лишь дорожный шум и поскрипывание переднего правого колеса при торможении разрывали ее. Я ожидала услышать новую интерпретацию тех событий в день его рождения, но то, что он сказал дальше, сильно удивило меня.

– Был один случай, – медленно начал он, не отрывая глаз от дороги. – Мне было лет десять, может, двенадцать, это было лето, и я весь день играл с друзьями во дворе. Обычно мать возвращалась с работы в половине шестого, я махал ей рукой, а потом она кричала мне из окна, чтобы я шел ужинать.

Я увидел ее еще издалека, она шла с большими тяжелыми сумками, я постарался быстрее убежать, чтобы мне не пришлось тащить эти сумки домой, вовсе не потому, что

мне было лень, а из-за игры. Если бы я выбыл, то потом стал бы водой, а я им уже был в этот день. Мать остановилась на углу и поставила сумки, ища меня взглядом. Но я спрятался за бойлерной и ждал, притаившись, пока она уйдет. Мама, не увидев меня, с трудом подняла тяжелые сумки и пошла домой.

– И? – спросила я, повернув голову в его сторону. – Ты бы не спрятался?

– Я бы встретил ее у магазина.

Мне стало грустно, и я даже не поинтересовалась, жива ли еще его мать. После такого откровения, в котором не было ни его друга, ни жены, я поверила, что он действительно решил измениться и отпустил эту обиду.

Когда мы приехали, Миша вытащил меня и посадил на капот машины со словами: «Вот отсюда тебе все будет видно». Это был небольшой пустырь недалеко от лесополосы, по краю которого пролегли горы мусора, свозившегося с городских помоек. Я устроилась поудобнее и стала руководить.

– Отнеси коробки вон туда, – указывала я пальцем, поскольку хотела, чтобы все было по-моему, это ведь мои похороны, а не чьи-то.

Устраивать собственные похороны очень волнующе, хочется, чтобы все было красиво и правильно. Миша исполнял все мои указания безукоснительно.

– Поджигай! – скомандовала я, когда все было готово.

Пламя медленно поползло вверх по картону и уже через минуту охватило весь груз, ветер раззадоривал его и растворял черный едкий дым в густом прохладном воздухе – моя жизнь полыхала красно-синим пламенем, глотая все ее прожитые и непрожитые моменты, оставшиеся позади. Вместе с моими коробками сгорело все – мои друзья, мои сны, мои воспоминания, мечты и желания и даже мое имя. С этого дня я назвала себя именем Лесма – это латышское имя, означающее "огонь, который поглотил все". Я узнала его из книги, забытой в прикроватной тумбочке в больнице кем-то, кто лежал на этом месте до меня. Рассказ был очень грустным, но жизненным и правдивым: трагедия случилась с девочкой, которая сгорела в пожаре, закрыв своим телом любимого маленького брата.

Была одна-единственная вещь из моего прошлого, не сгоревшая в ту ночь, – это медальон, висевший у меня на шее. Время от времени я доставала его из-под одежды и потирала пальцами с обеих сторон, в тот момент, когда думала о нем, о человеке, которого я знаю и которого, к сожалению, в моей жизни никогда не будет.

Миша стоял рядом, глядя на огонь, и думал о чем-то своем – каждый человек, глядя на огонь, думает о своем, самом сокровенном, вне зависимости от того, что там горит...»

Таня захлопнула дневник:

– А эта монета, которую она тебе передала, точно золотая?

– Да, вроде. Я же ее не видел. Возможно, о ней есть что-то в дневнике, но это потом, сейчас я уже устал, и мне хочется есть.

– А почему ты говоришь шепотом, я тебе еле слышу? – поинтересовалась Таня.

– Чтобы не разбудить маму, – ответил Витя, прислонившись губами к замочной скважине.

– А! – Таня тоже заговорила тише. – Она спит днем? Я думала, что она в это время на работе.

– Сегодня нет.

В комнате за стеной слышались шум и ругань – грохот падающей мебели, а за ним женские возгласы, она кричала сквозь плач: «Не надо! Успокойся! Не тронь его!» Потом снова шум и плачь – это было похоже на семейную ссору, мужской голос выкрикивал нецензурные слова вперемешку с каким-то ревом.

Таня бросилась к двери и, обеими руками за нее схватившись, спросила:

– Тебе помочь? Хочешь, я заберу тебя, я мигом открою...

– Нет! – твердо сказал Витя. – Иди! Просто уходи! Уходи! – крикнул он через дверь.

Таня выбежала из комнаты и захлопнула дверь внутри гардеробной, несколько раз ударив по ней кулаком, затем быстро задвинула ящик с посудой, корзину, заставила коробками с обувью, погасила свет и вышла.

«Больше я туда ни ногой, – думала она. – Больно нужно мне копаться в чужой жизни, лезть в чужие семейные разборки, лучше бы я занялась своей». С таким настроем Таня точно для себя решила больше не заходить в эту комнату.

Девушка оделась и вышла на улицу. «Интересно, где находится эта помойка, на которой они всё жгли?» – думала она, медленно шагая по березовой аллее. В тот вечер Таня гуляла как никогда долго, не желая возвращаться домой, ее там никто не ждал, а следовательно, торопиться было некуда.

Через несколько дней Таня все же вошла в гардеробную и разобрала образовавшийся там завал.

– Я ждал тебя, – тут же сказал Виктор из-за стены. – Я хотел бы попросить у тебя прощения.

– Не стоит извиняться, – возразила Таня, – это вовсе не мое дело, твоя мама сама разберется, без моей помощи – уж точно.

– Она не виновата! Просто ей опять не повезло, все это из-за меня, – с тяжестью и грустью сказал Витя. – Если бы я мог уйти, ее жизнь наладилась бы, и она была бы счастлива, может, у нее даже родился бы здоровый ребенок. Я лишил ее всего, из-за меня она вынуждена терпеть этого уroda!

– Ты родился слепым? – спросила Таня, раз уж их дискус-

сия приобрела откровенный характер.

– Нет. Когда отец предложил маме уехать, она уже была беременна мной и отказала ему. Мама проживала с одной очень недоброй женщиной, помнишь, я тебе говорил.

– Угу!

– Так вот, эта женщина сделала все, чтобы испортить нам жизнь, узнав о моем скором появлении на свет.

Таня решила больше не расспрашивать Витю об этом, подумав, что если он захочет, то расскажет сам. Так оно и произошло.

– Эта женщина, Надя, была страшной стервой – очень властной и злой. Все было хорошо до того, как в жизни мамы появился отец. Надя стала ревновать и делать все возможное, чтобы они расстались. Если бы мама в то время проявила настойчивость, то, возможно, все было бы по-другому.

Они познакомились на новогодней вечеринке, и Надя стала проявлять особенное внимание к маме, приглашая ее в разные интересные места, недоступные для моей мамы ранее. Мама была тогда наивной и неопытной, с радостью принимала все приглашения. Вскоре они начали жить вместе у Нади – с ее стороны это был знак поддержки в сложной финансовой ситуации. Светский бомонд притупил разум и приглушил чувство собственной свободы, словно у голодной птички, залетевшей в клетку с едой – дверца тихо и незаметно захлопнулась, и стенки золотой клетки стали одинаковые, в какую сторону ни повернулась бы птичка – одни ре-

шетки. Время шло, и мама свыклась с этим – стяжательство стало образом жизни, но внезапная новость обо мне заставила ее принимать решение. Вот-вот ее беременность стала бы заметна, и ничего, кроме как сбежать, мама не придумала. Собрала все свои накопления, ночью покинула свой дом и уехала так далеко, что найти ее было практически невозможно. Первое время она жила на накопленные средства, спустя несколько месяцев родился я, и, когда мама сообщила эту новость отцу, он тут же приехал, остался, и они зажили хорошо и счастливо, но ненадолго!

Вечер был прекрасным, и ничто не предвещало беды, вдруг в дверь кто-то постучал. Папа был со мной в комнате, а мама готовила ужин. «Я открою!» – крикнула она и, сполоснув под краном руки, вытерла их о полотенце. На пороге стояла она – такая же холодная, строгая, худая и высокая, с черными волосами, туго завязанными в хвост, в черном кашемировом пальто. Мама говорила, что когда увидела ее, то сразу поняла, что все будет кончено в этот момент. Надя прошла в комнату и молча осмотрелась.

– Может, чаю? – проговорила мать сухим, сдавленным голосом.

– Собирайся, – ответила Надя уверенно.

Отец молча смотрел исподлобья, застыв в ожидании дальнейших действий мамы.

– Собирайся! – повторила мегера.

Мама покорно опустила голову и взяла меня на руки, что-

бы начать одевать.

– Ты поедешь одна, – тут же возразила она.

– Я не оставлю сына, он поедет со мной.

– Оставишь, – повторила она твердым голосом.

Что заставляло мать подчиняться, не было известно даже ей самой, может, это свойство ее характера, и именно за это она была так востребована коварной женщиной.

Дальше вступился отец – он метнулся на кухню и схватил со стола нож.

– Уходи! – кричал он. – А не то я сейчас...

Все произошло в одну секунду: Надя попыталась увернуться от острия ножа, в то время как в ее руке было оружие защиты – баллончик с кислотой, она направила его прямо в лицо отцу, но в этот момент мама схватила ее руку и отвела в сторону. Кислота выплеснулась и попала на стену, маме на ногу и мне на лицо, а острие ножа вошло прямо в живот этой женщины, чуть ниже грудной клетки, искусно и аккуратно распоров сначала одежду, затем кожу, а после все ее внутренние органы.

Следующие полгода мы провели в больнице, а отец – в тюрьме. Хоть это и была самозащита, судья все же дала ему год строгого режима.

После тюрьмы отец долго не мог найти себе пристанища, скитался по городам, искал работу, но оставался незамеченным и невостребованным, до тех пор, пока не обзавелся новыми друзьями, которые и научили его жить – то есть во-

ровать. Он погряз в этом мире с головой, оправдывая себя тем, что более ему ничего не светит. Мама осталась такой же – мягкой и бесхребетной, она принимала его из тюрьмы и вновь провожала обратно, до тех пор, пока он не умер. Но и с его смертью ничего сильно не поменялось – у нас поселился ее любовник, который через некоторое время угодил за решетку по обвинению в грабеже и мошенничестве.

Витя замолчал, его рассказ прервал женский голос за стеной. О чем шла речь, Таня не расслышала из-за глухих стен, но оно ей было и не нужно вовсе, она думала о чае с ромашкой и мятой, который уже заварился к этому времени у нее на кухне.

– Я пью чай, – сказала она, войдя в комнату через некоторое время, медленно и аккуратно переступая, чтобы полная до краев чашка не расплескалась.

– С мятой, – одобрил Витя, – я тоже люблю чай с мятой.

Таня поставила чашку и развела руками.

– Я с радостью угощу тебя, как только ты захочешь этого, – она ни секунды не сомневалась, что он откажется. – Знаешь, я много занимаюсь, – похвасталась она, – думаю, что к началу сезона я буду в полном порядке и всех удивлю своей подготовкой. На растяжку у меня уходит по 4–5 часов в день. Хорошо, что я здесь, – дома я бы нашла кучу причин для того, чтобы отложить тренировку, а тут, у сестры, царит победа над ленью.

Таня устроилась на полу и хлебнула чай.

– Я рад за тебя, буду следить за твоими успехами, – очень искренне порадовался собеседник.

«...Наступил долгожданный день моего визита в больницу, приготовления к которому заняли немало времени. Волосы у меня отросли за это время чуть ниже плеч и завились на концах. Мне хотелось коротко постричься, но все отговаривали, убеждая меня в том, что такая прическа очень подходит к моему типу лица. Когда мы приехали в больницу, в холле меня уже встречала медсестра с коляской, чтобы отвезти на рентген, – меня загрузили на ледяной железный стол и сделали несколько снимков, а после врачи в белых халатах и шапочках долго что-то обсуждали за стеклом, разглядывая полученные фотографии. После серии осмотров, со всеми заключительными результатами, мы подъехали к процедурному кабинету, где мне предстояло встретиться с Андреем Сергеевичем.

Дверь распахнулась, и меня встретила его широкая белозубая улыбка.

– Добрый день, прекрасная леди! – сказал он.

– Здравствуйте, – ответила я и сразу почувствовала стук своего сердца, будто бы оно забилось именно сейчас, а прежде – затаившись – молчало и не подавало никаких признаков жизни.

– Как ваша нога? – спросил он.

Я протянула снимки в тот момент, когда медсестра под-

везла меня к его столу и быстро удалилась, закрыв за собой дверь.

В голове прокрутились разные варианты ответа, но озвучила я совсем не то, что спланировала.

– Моя нога хорошо, просто прекрасно. А ваша? – тут же продолжила я.

Андрей Сергеевич засмеялся и одобрительно кивнул, показав тем самым, что оценил мое чувство юмора, хотя шутить я вовсе не собиралась и сама не ожидала от себя такого ответа.

– Обе мои ноги прекрасно бегают, – ответил он, – и твои, судя по снимку, тоже выйдут из моего кабинета сами.

Я удивленно посмотрела на него:

– Сами? Но я практически ничего не чувствую.

– Это не страшно! – Андрей Сергеевич встал, обошел свой стол и протянул мне руку: – Вставай!

– Нееет! – тут же возразила я и вцепилась в кресло. (Я труп, я не могу ходить и тем более протягивать при этом руку мужчине, при виде которого мое сердце начинает биться быстрее.)

– Нет, нет! – еще раз с уверенностью повторила я.

Тогда доктор подошел еще ближе и поднял меня за талию, попытавшись поставить на ноги. Я встала на здоровую ногу, а больную продолжала поджимать, словно цапля, но с глазами испуганного лемура. Впервые я увидела его лицо так близко, что мне показалось, будто мое отражение по-

авилось в его зеленых, как изумруд, глазах, тело стало невесомым, и я коснулась пола обеими ногами.

– Не страшно? – спросил он, отпуская меня.

– Страшно! – уверенно ответила я, желая остаться в его объятиях как можно дольше, он отдалился на расстояние, позволительное для доктора и пациента, но продолжал поддерживать меня.

Вместе мы сделали несколько шагов вперед – сначала он, а я за ним, вцепившись в его горячие руки. Если бы в этот момент заиграла музыка, то наши па напомнили бы танец. Я уверенно встала на обе ноги и ослабила руки, боль, словно электрический ток, ударила в поясницу и, отскочив от позвоночника, понеслась в ногу.

– Будет больно! – с сожалением констатировал Андрей Сергеевич и заставил меня сделать несколько шагов самостоятельно.

Я старалась шагать, несмотря на нестерпимую боль. С уверенностью заявляю, что никогда я не сделала бы это ради себя, скорее бы я сидела в каталке, упорно продолжая изображать труп. Все мои усилия были только ради него – ради его триумфа в битве с моим недугом, но ему это было неизвестно.

– Вы замечательный доктор! – сказала я и обернулась, услышав стук в дверь.

Медсестра вошла с костылями в руке и стала примерять их под мой рост, так обыденно и не эмоционально, что мне

стало жалко себя. Это был следующий этап, с которым пришлось смириться.

Я не сдержалась и заплакала в голос:

– Нет, пусть лучше я буду трупом, буду тихо лежать в своем склепе вечно, не подавая признаков жизни! Я буду висеть на Мишиной спине, я лучше умру вовсе!

Этими словами я глушила воспоминания о прошлой жизни – душила, топила, гнала. Так громко и прилюдно выдавать себя я позволила себе впервые.

– Это временно! – повторял Андрей Сергеевич, пытаюсь прорваться через мой грозовой фронт, но мне нужно было время – просто время, латающее дыры в моей душе, памяти и ноге.

Со ступеньками еще были сложности, а домой я уже вошла в вертикальном положении, опираясь одной рукой на костыль, а другой о стену. Меня встретили аплодисментами, сестра от радости даже подскочила с табурета и захлопала в ладоши, ее живот уже был таким огромным, что, казалось, вот-вот лопнет. Миша стоял рядом со мной и принимал часть радости на свой счет, как непосредственный участник моего выздоровления. С одним костылем смириться было гораздо легче, чем с двумя, я вспоминала концерт, который устроила в больнице, с небольшим чувством стыда и радости оттого, что теперь у меня есть повод для внепланового визита к Андрею Сергеевичу с извинениями.

– Ну, я пошел! – Миша, как всегда, был лаконичен.

Сестра помогла мне добраться до комнаты, по пути мучая расспросами о том, как все прошло. Мы смеялись, представляя, как будем спасать друг друга в случае падения – я буду стараться удерживать ее живот, а она – мою ногу. До появления малыша оставалось совсем немного времени, за которое мне предстояло максимально снять с нее бремя ухода за мной, чтобы она могла полностью посвятить себя ребенку».

Глава вторая

1

Таня сидела за столиком единственной в городе пиццерии и размешивала пузырьки в стакане с темным газированным напитком, напряженно думая о только что съеденных толстых сдобных кусках пиццы. «Можно было бы съесть всего один – было бы вполне достаточно, а тот голод, что остался, растворился бы после двух глотков газировки. Но нет же! Нужно было впихнуть в себя аж четыре куска, получить мучительную дозу удовольствия и ненавидеть себя весь оставшийся вечер! А еще вдобавок у сестры нет весов! Надо же?! У такого правильного человека нет такой правильной вещи, как весы, презентую ей на ближайший праздник», – спланировала она.

Напротив за столиком сидела небольшая компания подростков, они время от времени поглядывали на Таню, от этого девушке стало некомфортно, и она решила прогуляться, пока на улице совсем не стемнело.

Подростки вышли следом, Тане даже показалось, что какое-то время они шли за ней. Она прибавила шаг, расстояние между ними стало увеличиваться, словно мокрое пятно, расплзающееся в разные стороны, и вскоре они исчезли.

– Представляешь, – говорила она Виктору, когда вернулась домой, – в той двери, за которой никто не живет, как ты меня заверил, опять появилась записка, но уже другая!

– И ты опять ее прочла?

– А то! Я же главная по этой части! Там прочла, тут прочла, как была бы жизнь без этого скучна! – Таня засмеялась. – Между прочим, если бы я не начала делать успехи в танцевальной школе, то наверняка стала бы следователем, это безумно интересно!

– А я думал, психиатром.

– И это тоже! В чужой жизни разобраться нет никакой сложности, не то что в своей. А как ты думаешь, у самих психиатров в личной жизни все как на примере учебного пособия?

– Я думаю, что у них все так же, как у нас, но им сложнее, потому что от них больше ожидают. Так что там было в записке?

– Сейчас я приду и все тебе расскажу, эксперт-аналитик, мы можем вполне работать в паре, – шутила Таня, раздеваясь на ходу, шаги ее отдалились, а затем снова послышались в комнате. – Так вот, там снова об этом же! Записка написана очень вежливо, но чувствуется, что человек уже накален. В записке сказано, что если вы не примете меры в ближайшее время, то я их сам приму!

– Это как?

– О мерах экзекуции кота ничего не сказано, видимо, это

будет в другой части, надо подождать.

Таня устроилась поудобнее и открыла дневник:

«Утром ко мне пришла медсестра-массажистка, я ждала прихода и была уже полностью готова ее принять, представляя, как это будет, и готовилась терпеть ужасные боли. Именно ее как профессионала рекомендовал Андрей Сергеевич, но сразу предупредил, что она не порхающая бабочка, а, скорее, крокодил-аллигатор, который раскроет свою зубастую пасть и будет долго кровожадно меня пережевывать, но оно стоит того. Я доковыляла и открыла ей дверь сама, поскольку дома больше никого не было.

На вид она оказалась совсем не аллигатором, а вполне бодрой и располагающей к себе женщиной лет так шестидесяти, в синем плаще и белом медицинском халате под ним, в руке она держала зонт и сумку, хотя дождя в этот день вроде не обещали. Видимо, она относилась к тому типу людей, которые носят с собой зонт всегда, вне зависимости от погоды, в страхе растаять под каплями внезапных осадков – так называемые «сахарные люди». Среди моих знакомых из прошлой жизни есть всего двое таких – "сахарных". Они встречаются достаточно редко и наверняка занесены в Красную книгу.

«Сахарная» медсестра-массажистка прошла, расстегнула плащ и протянула мне руку:

– Александра Алексеевна.

Я пожала ей руку и немного помедлила с ответом.

– Лесма, – после короткой паузы уверенно сказала я.

Медсестра слегка поморщилась и стала искать карту в сумке:

– А у меня там другое имя.

Я тут же перебила ее:

– Это ошибка, я знаю, мы уже разобрались в больнице, просто неверно заполнили карту.

– Хорошо. Пройдемте.

Я села на заранее приготовленные в гостиной два стула и вытянула больную ногу вперед.

– Лена, а где у вас можно вымыть руки? – спросила массажистка.

– В ванной! – крикнула я ей в коридор.

«Отомстила мне "Леной" за "сахарную" женицину, ладно – 1:1», – думала я.

Александра Алексеевна быстро переставила стулья как надо, и мы сели напротив друг друга, она взяла мою ногу и стала давить на нее с такой силой, что у меня от боли и неожиданности заслезились глаза, а лицо стало мокрое и багровое. Это было похоже на сцену из «Красной Шапочки», где волк, притворяясь бабушкой, накидывается на девочку. Я была Шапочкой, а она бабушкой, но с зубами аллигатора, а вовсе не «сахарная» женицина – зонт, видимо, ей необходим для конспирации.

Есть два состояния, в которых время неумолимо замед-

ляет свой ход: когда ждешь и когда больно. У меня они были оба, поэтому стрелка часов, висевших на стене, можно сказать, встала и лишь иногда, посмеиваясь, делала небольшой ход вперед.

– Не переживай, Лена, все будет хорошо, – заговорила Александра Алексеевна после долгого молчания, будто бы знала, о чем я подумала в этот момент. – У тебя не хватает части кости, и это уже не исправить, можно тянуть ногу годами, но она не станет прежней в силу длины и кривизны. Я говорю тебе правду, – подняв глаза, сказала она, – потому что не люблю пустых обещаний, я не обнадеживаю пациентов, как некоторые врачи. Конечно же, они делают это с благими намерениями – мол, время залечит, но это все же неправильно – человек начинает надеяться на прежнюю жизнь, которой уже не будет, и тратит на это свое драгоценное время, за которое успел бы перестроиться на новый лад.

Я позволила себе заплакать, но лишь от физической боли, а не от сказанного ею.

– Был у меня один случай, – Александра Алексеевна попыталась отвлечь меня от слез, – парень упал с мотоцикла и сломал позвоночник. Он пролежал в канаве почти сутки, пока его нашли и привезли в больницу. Сделали серию операций, потом мы с коллегой начали им заниматься. Никто не давал ему ни малейшего шанса на жизнь, врачи махнули рукой, хотя, конечно, продолжали делать все возможное.

– Умер? – не стала я дожидаться продолжения длинной истории.

– Нет. Выжил.

– Ну и славно, – сказала я и закрыла уставшие глаза.

Но дело было вовсе не в том, что я не смогу вернуться к прежним занятиям, а совсем в ином. Она, как все остальные, не представляла, что произошло со мной в тот день, с которого я начала носить в себе тяжелый груз и невозможность поделиться им с миром. Никто бы мне не поверил, ни одна наука из мною известных не нашла бы объяснения моей истории, идущей вразрез с научной формулой жизни. Все, что произошло, выходило за рамки всех религиозных соображений – ни один человек на свете не поверил бы в это. Разве что в недрах парапсихологии, изучающей псевдонаучные явления, можно было бы поискать ответы, но только не в моем случае и не с моей травмой ноги и головы».

– Ты очень медленно читаешь, – отметил Витя. – Мы такими темпами до истины доберемся в конце жизни или вообще потеряем интерес. Я вот уже злюсь из-за того, что она пишет какими-то загадками: зачем поменяла имя? И кого она никогда не увидит? Я ничего не понимаю.

Таня откашлялась:

– Ну, извини, эти записи стары, как святая инквизиция. Часть размазана, часть выцвела, да еще и написаны от руки, так что разобрать не так просто. А до истины все люди доби-

раются в конце жизни, а некоторые не добираются и вовсе. Пишет она вполне логично и понятно. У нее есть тайны, которые она не хочет раскрывать сейчас, она раскроет их позже, может быть, даже в другой части.

– А там две части?

– Четыре, насколько я вижу, а может быть, есть и еще.

Виктору не терпелось почерпнуть из этого дневника информацию о себе. Он ждал, что сейчас, вот-вот получит ответ на вопрос, который интересовал его всю жизнь: что это за монета и почему она досталась именно ему – мальчику, которого списали со счетов жизни, которому за всю жизнь более никто ничего не подарил? Словно у него был золотой ключик, и оставалось только найти дверь, которую он откроет. А может, старушка все же в силу своего недуга и возраста спутала его мать с кем-то и никакой тайной комнаты нет?.. Разочарования Виктор боялся. Нетерпимость – свойство характера многих людей, и Виктор не был ей обделен.

– Подойди ближе, пожалуйста, я хочу дать тебе эту монету, возьми и разузнай, сколько можешь, о ее происхождении, возможно, новая информация прольет свет на ее появление у меня. Тут недалеко в городе есть ювелирная лавка, там наверняка тебе всё поведают, – Виктор повозился за стенкой, и из щели между полом и дверью вылезла золотая монета.

Таня немного растерялась:

– А почему за все время ты не попросил мать разузнать о монете? Это логичнее, чем поручать дело малознакомому

человеку.

У Тани была нетерпимость другого характера, а с ней в паре шагало любопытство, особенно когда на ситуацию можно было глянуть изнутри или с изнанки. Также она была очень рассеянна и безответственна, о чем хорошо знала, поэтому с нежеланием принимала на себя любого рода обязательства.

– Ты мне друг, а не малознакомый человек!

– Прости, я не хотела так выразиться, ты мне тоже друг, и я сделаю для тебя все, что в моих силах, поверь мне, – Таня приблизилась к двери Виктора, протянула руку и взяла монету.

Раньше девушка никогда не держала в руках золотых монет, поэтому не могла определить ее подлинность.

– Кажется, она действительно золотая, – сказала Таня, потирая ее пальцами с двух сторон.

В этот момент она почувствовала, что подобное движение очень знакомо ей, будто бы она на самом деле была не танцовщицей, не прирожденным следователем и даже не психиатром, а самым настоящим нумизматом или фальшивомонетчиком. Монетка гармонично и складно каталась у нее между пальцами, играя отблесками света лампы, ее блеск манил, манил неизвестно куда, в бездну прошлой жизни, – или же это было волшебное свойство чистого золота.

– А маме я такое дело доверить не могу, – объяснил Виктор. – Слышала же, с кем она живет. Завладев золотой монетой, мамин сожитель попросту сдаст ее в ломбард без всяко-

го интереса, и ко мне она уже точно не вернется. Он сделает это с легким сердцем и твердым убеждением, что слепому не нужны деньги, а ему вполне пригодятся.

То есть все-таки между Виктором и его матерью не было таких доверительных отношений, как показалось девушке поначалу. Мама попросту рассказывала ему все подряд, изливая душу и не думая о том, что все это слушает ее собственный сын. В заботе лишь о себе ей было наплевать на его чувства.

Таня гордилась оказанной ей честью и заверила Виктора еще раз, что сделает все от нее зависящее и обязательно раз узнает о монете.

– Только давай сразу проясним, – остановилась она уже в дверях, – ты не будешь ожидать, что я раскрою тебе тайну, которую ты, возможно, выдумал сам, без всяких на то поводов. Чтобы потом нас обоих не постигло разочарование от того, что я не способна дать тебе то, чего ты от меня ожидаешь.

– Я понимаю, – ответил Виктор и, как показалось Тане, покачал своей белой пушистой головой.

Следующим утром Таня вышла из дома и направилась в ювелирную лавку, до которой было сорок минут пешком или пять остановок на автобусе. Выбрав, конечно же, первый вариант, девушка перебросила сумку через плечо и пошла быстрым шагом по почти сухому, но еще парившему остатками влаги от ночного дождя асфальту. Солнце било сквозь

свежую зелень кустов сирени, аккуратно высаженных вдоль дороги, согревая босые ноги Тани. С соседней улицы доносилось жужжание газонокосилки и веяло свежескошенной травой – этот кислотоватый запах напоминал деревенское утро, не хватало только крика петухов и шума трактора. Дома, словно камни на берегу реки, – все одинаковые и в то же время совершенно друг на друга не похожие. Некоторые произрастали аж из восемнадцатого века, такие ветхие, что казалось, они могут рухнуть от дуновения ветра, но в то же время мудрые, повидавшие много эпох, ставшие свидетелями разных времен и множества человеческих жизней, покрытые толстыми потрескавшимися слоями краски разных цветов, со статуями и фигурными узорами из дерева, украшающими их фасады. У таких домов-стариков есть своя история, зачатую не хуже человеческой. А рядом возвышаются новые дома – заводские кирпичики, все как один, лежат ровно, окна и балконы отделаны белым пластиком, они чистые и не имеют ни одного ржавого пятнышка, ни одного следа, оставленного долгой морозной зимой и затяжной слезной осенью.

Таня дошла достаточно быстро и, открыв дверь лавки, отшатнулась в сторону, услышав резкий, неприятный звон над головой. Этот звон издавали железные трубочки при ударе друг об друга, их заставил плясать деревянный шарик на нитке в центре этого музыкального инструмента. Раньше эта китайская игрушка, отпугивающая злых духов, согласно легенде, бесполезно висела почти в каждом доме и раздража-

ла его обитателей, а потом ей нашли хорошее применение – вешать над дверью в магазинах, чтобы ни один покупатель не проскользнул мимо отвлекшегося продавца. Таня вспомнила, как паниковала бабушка, пугаясь злых духов, когда эта вещица брякала, раскачиваясь на сквозняке между комнатами.

– Здравствуйте! – улыбнулась Таня старому бородатому армянину с пролысинами до затылка, смотревшему на нее своими черными зрачками из глубины комнаты.

Он сидел на высоком стуле между двумя прилавками и протирал какую-то вещицу кусочком ткани. – Здравствуйте, – кивнул армянин, не сводя глаз с девушки.

– Вы не могли бы мне помочь? – сказала Таня, снимая с плеча сумку. – У меня есть монета, и мне нужно знать ее происхождение, а также из чего она точно сделана.

С этими словами она достала монетку и подошла ближе. Армянин, не вставая со стула, перевел глаза на монету, затем поставил на прилавок свой стакан, отложил ткань и взял из рук девушки вещь. Минут пять он просто разглядывал ее, затем встал и подошел к стоящему на столе микроскопу, все так же, судя по его лицу, не проявляя никакого интереса к этому изделию. Больше всего Таня боялась разочаровать Виктора: вдруг окажется, что монетка вовсе не золотая? В какой-то момент на долю секунды она даже пожалела, что взялась за это дело.

– Золото 585й пробы, – сказал мужчина, подняв голову

от микроскопа, и бросил монету на весы. – Я дам за нее...
– начал было он...

– Нет, нет! – возразила девушка, не желая вводить продавца в заблуждение. – Я вовсе не собираюсь ее продавать – это собственность моего друга, и мне надо разузнать о ней как можно больше.

– Тогда это все, что я могу сказать, – ответил продавец и вернул монету.

Таня продолжала вопросительно смотреть на армянина, понимая, что этой информации недостаточно и если ей больше нечего будет сказать Виктору, то образ следователя выйдет неубедительным.

– А может быть, вы посмотрите еще раз на нее? – продолжила Таня. – Эту монету мой друг получил от незнакомой женщины, которая скончалась, не успев объяснить свой странный подарок.

Мужчина перебил Таню, не желая слушать этот рассказ:

– Все, что я могу сказать о ней, вы и сами способны разглядеть, на монете все написано.

– Спасибо, – огорченно выговорила девушка и направилась к выходу.

«Мистер логика!» – молча злясь и досадуя на старого армянина, подумала Таня.

– Но если вам нужна история монеты, – окликнул он Таню на выходе, – то я могу посоветовать обратиться за помощью к нумизмату, он сможет рассказать больше, чем я.

«Раз он говорит о нумизмате, а не нумизматике как науке, значит, подразумевает конкретного человека, который этим увлечен, а может быть, даже образован в этом направлении», – включив следователя, рассуждала Таня. Она слушала продавца, не оборачиваясь, становилось заметно, как настроение девушки тут же улучшилось и внутри снова вспыхнул азартный огонек надежды.

– Может быть, вы посоветуете мне такого специалиста, – прищурившись, голосом лисички сказала Таня, ожидая подтверждения своих следовательских способностей.

Продавец достал из тумбочки небольшую записную книжку, затертую и засаленную настолько, что не каждый решился бы дотронуться до нее, надел очки и стал листать указательным пальцем:

– Вот – записывайте!

Таня мигом записала и, поблагодарив, вышла на улицу.

Длинные гудки в трубке тянулись, словно спагетти, и перед самым отключением низкий мужской сонный голос ответил на звонок. Около минуты голос молчал, слушая историю, которую Таня, пытаясь максимально сократить, рассказывала ему.

– А это срочно? – спросил голос, выслушав историю девушки.

– Очень! – уверенно ответила Таня.

– Тогда приезжай, но я в соседнем городе. От тебя это пятьдесят минут на автобусе или тридцать на электричке,

электричка на другой стороне, а автобус останавливается практически за углом, но идет реже, так что сама смотри, как удобнее, – голос без формального разрешения перешел на «ты».

– А вы знаете, где я? – удивленно спросила Таня, акцентируя слово «вы», показывая тем самым, что ее не удастся так просто склонить к фамильярности.

– Ты стоишь у «Золотой лавки», в радиусе пятидесяти метров, в красной автоматной будке, – с уверенностью продолжал голос.

Таня оглянулась и прочла вывеску за своей спиной: «Золотая лавка. Скупка, ремонт, переплавка ювелирных украшений».

– Не совсем, – обманула она собеседника и стала оглядываться по сторонам – не следит ли кто за ней. – Итак, перейдем к делу, назовите ваш точный адрес, и я скоро прибуду к вам.

«Есть три варианта, как он смог догадаться о моем местонахождении, – думала Таня, залезая в автобус. – Либо он настоящий следователь высшего уровня, и мне стоит взять у него уроки интуитивной чуйки; либо старый армянин успел каким-то образом предупредить его – что маловероятно; либо я сама сболтнула это в разговоре и не заметила, что хуже всего, учитывая мое последующее отрицание сего факта».

Нумизмат выглядел совсем не так, как его представляла Таня. Это был худющий молодой парень славянской внеш-

ности, со светлыми взъерошенными волосами и такого высокого роста, что Тане пришлось задрать голову вверх, чтобы посмотреть на него. Он словно всю жизнь провел как белье на веревке, раскачиваясь в разные стороны от ветра. У него даже челюсть вытянулась и провалилась внутрь, отчего лицо стало напоминать героев современного мультфильма.

– Салют, – сказал он так, как будто они были знакомы всю жизнь. – Давай пройдемся, а то у меня от постоянного сидения болят ноги. Тут есть аллея, а дальше набережная, очень красивая. Можем взять велики и прокатиться, если хочешь, – закончил он, помолчав.

Девушка напряглась от недоумения, в голосе прослеживалась тонкая нить неуверенности. Фамильярность в разговоре по телефону точно совпала с образом человека, идущего рядом с ней, но, как правильно отреагировать на это, Таня пока не понимала.

«Что их может связывать с продавцом из «Золотой лавки»? – задавалась она вопросом. – Это явно не родственные отношения и не дружба. Возможно, они как-то взаимодействуют, перепродавая друг другу украшения».

– Я Иван, можно просто Ваня, – улыбнулся он и сделал несколько шагов вперед, изгибаясь, как страус, и глядя на девушку. – А ты сама откуда?

– Я из... – Таня показала указательным пальцем через правое плечо назад, в сторону автобусной остановки, и тут же поправилась: – Из столицы, – растерянно ответила она и

улыбнулась.

– И стоило ехать сюда ради встречи со мной? У вас что, там, в столице, нет золотомонетного оценщика? Это, конечно, честь для меня, да, большая честь, в любом случае встреча с такой привлекательной молодой девушкой не может не доставить удовольствия, особенно в такой ситуации, когда ты сама позвонила, – речь лилась из него, словно струя из водосточной трубы во время ливня.

Тане оставалось только слушать и глотать поток свежей дождевой воды.

– Нет, – наконец-то вставила она свое слово, смахнув тем самым корону с головы высоченного человека и растворив в воздухе дымку тщеславия, витавшую над его головой. – Я сейчас временно живу тут, недалеко, буквально около «Золотой лавки», а эта монета...

– Так все же я угадал! – воскликнул он. – Ты была у лавки!

Таня не прокомментировала его маленькую победу, а лишь задорно улыбнулась в ответ.

Эта странная и неподходящая друг другу по росту пара прогуливалась больше двух часов. За это время они прошли аллею, парк наискосок, мост и обе стороны набережной. Таню полностью покинуло напряжение и неприязнь к незнакомцу, они весело болтали, перебивая друг друга, найдя много общих тем, и, если бы не сильное чувство голода и усталости, прогулка длилась бы еще долго.

– Тут недалеко есть кафе? Может, зайдём? – предложи-

ла она первой, не дождавшись инициативы от Ивана. – Я страшно проголодалась, с самого утра крошки во рту не было, только кофе.

– Конечно, я сам как раз собирался предложить тебе пообедать, хотел сделать это метров через триста, вон там, видишь, висит красная вывеска, это неплохой грузинский ресторан, я в нем бывал много раз, там шикарно и быстро готовят хинкали, идем? – закончил он, немного пропустив вперед Таню, в то время как она уже буквально ощутила вкус свежей баранины в бульоне и тесте.

Чем ближе они подходили к ресторану, тем более стойким становился аромат жареного шашлыка, дыма и выпечки, в желудке урчало и посасывало, заставляя ускорять шаг. Ваня открыл тяжелую деревянную дверь и пропустил Таню вперед, а затем предложил ей выбрать столик по душе. Они сели и тут же уткнулись в меню, которое уже дожидалось их на столе.

Иван заказал хинкали, салат и две чашки чая, а Таня – целый лаваш, только что вынутый из тандыра – печки для приготовления пищи, суп и запеченное филе палтуса. Иван не соврал: все, что приготовили для Тани, было так вкусно, что она ела молча, посмеиваясь периодически над шутками Ивана, которыми тот сыпал без умолку. Насытившись, Таня вспомнила про Виктора, и ей стало не по себе – чувство, словно она совершает некое предательство, проедало ее сознание, словно слабый раствор кислоты, в те мгновения, ко-

гда его светлый, как одуванчик, образ проскальзывал в ее голове.

Как только официантка убрала со стола посуду, Таня достала монету, молча положила ее на деревянную поверхность и указательным пальцем подвинула к Ивану. Он отхлебнул чай, прополоскал им рот, вызвав этим у девушки раздражение и неприязнь, мигом прошедшие через весь ее организм, проглотил остатки и, наконец, перевернул монетку и рассмотрел аверс.

– Видишь, – наклонился он и указал пальцем, – вдоль гурта, обрамленного лучевым ободком, есть круговая надпись: «1 золотник 39 долей чистого золота». Середину монеты отделяет еще один ободок, в кругу которого указан номинал «Пять рублей», а ниже, под фигурной линией, место чеканки – «СПБ» и дата – «1835 год». Доля – это устаревшая единица веса русской системы мер, равная 0.044 граммам или 39 долям, золотой рубль – 1/15 империала – денежная единица, введенная в России реформой денежного обращения конца XIX века.

Таня внимательно слушала Ивана, разглядывая при этом его лицо, пока тот увлеченно рассказывал о финансовой реформации, свободной чеканке, золотом и серебряном монометаллизме и даже о председателе совета министров Витте, который добился введения в России золотого стандарта и сильно поспособствовал притоку зарубежного капитала в нашу страну.

Все это, безусловно, очень интересно, но совсем не по делу, подобную информацию можно было бы почерпнуть из любого тематического издания, не прибегая к помощи постороннего человека. Иван продолжал рассказывать то, что знал о монете, а Таня совершенно потеряла интерес к рассказу, понимая, что он не сможет пролить ни капли света на загадочную историю монеты и все это лишь попусту потраченное время.

Иван замолчал и поднял глаза, когда почувствовал, что Таня увлечена чаем и восточными сладостями, которые ей только что принесли.

– Попробуй, – незамедлительно предложила она и указала взглядом на тарелку, поднимая ложку, наполненную медом, чтобы разорвать прозрачную коричневатую струйку, – это очень вкусно.

Ваня, сделав вид, что он этого не услышал, продолжил говорить:

– Реверс: рельефное изображение коронованного императорского орла, в одной лапе которого – скипетр, а в другой – держава, расположено также в центре, по краям – обрамление. Все стандартно. Это сувенирная монета, – сделал он свое экспертное заключение и с интересом поднес монету ближе, к самому носу. – А еще в ней есть маленькая самодельная дырка, ее практически не видно, так как она попадает в самое обрамление, скорее всего сделанная для носки на шее, рассчитана на очень тонкую нить, – добавил Иван и

протянул монету хозяйке. – Больше я ничего не могу сказать о ней, это не очень ценная монета, скорее, сувенир, оставленный родственниками или еще кем-то.

«Вот это уже интересно, – думала Таня и вспоминала Виктора. – Значит, старуха носила монету не шее до тех пор, пока не узнала о скором появлении на свет Виктора».

– Мерси, – сказала девушка и подняла руку вверх, подзывая официантку.

Счет полностью оплатил Иван, хотя Таня собиралась сделать это сама, угостив молодого человека в благодарность за уделенное ей время, чему он настойчиво воспротивился, сказав, что это он благодарен за день и приятную компанию.

После того как молодые люди закончили обмен любезностями, они вышли на улицу. Солнце уже садилось, его желтые отблески стелились по зеленой траве и согревали ее перед ночным сном, словно вечерняя ванна. Таня опомнилась – ее дом находился достаточно далеко, и поспешила к автобусной остановке.

– Позволь тебя проводить, – забеспокоился Иван, прибавляя шаг и пытаясь не отставать от Тани, в то время как та выдвинулась на полкорпуса вперед.

– Хорошо, тогда не отставай! Мне надо как можно скорее попасть домой, меня там ждут, – пояснила она, и они побежали по набережной.

То ли Таня торопилась к Виктору, то ли просто хотела скорее избавиться от компании человека, явно проявляющего к

ней симпатию, а может, попросту боялась оставаться в незнакомом месте, когда на улице полностью стемнеет. Билетная касса закрылась через четыре минуты после того, как девушка взяла билет, и, задрав голову вверх, она стала прощаться с высоченным, худым и очень милым молодым человеком. Вокруг были еще люди, также ожидавшие автобус, они передвигались по остановке в хаотичном порядке, словно шашки на доске, когда игра вотвот закончится.

– Может, я провожу тебя до дома? – с долей надежды в голосе спросил Иван, увидев круглые фары автобуса, появившегося из-за поворота.

– Не надо, – улыбнулась Таня. – Это уже лишнее, и к тому же скоро уже ночь, а ночью тебе не добраться обратно до дома – придется заночевать на остановке или вокзале. Я буду чувствовать себя неловко и волноваться за тебя.

– Правда?

– Да, это чистая правда, – сказала Таня и поднялась в автобус. – Прощай! И еще раз спасибо за помощь! – крикнула она.

Скрипучие двери автобуса захлопнулись, разделив мир пополам. В одной его части осталась она – симпатичная девушка, которая устало прислонила голову к окну, закуталась в серую кашемировую мягкую кофту и уснула. А другая половина мира принадлежала ему – высоченному, худющему парню, одиноко стоящему на пустой остановке в полуночной дымке, с оттенками привычной обреченности на лице.

Таня тихонько повернула ключ в двери и вошла домой. Ей страшно хотелось спать, и она постаралась не шуметь, чтобы не тревожить Виктора, прекрасно слышавшего ее через стены. Девушка быстро разделась и юркнула в постель, в то время как локаторы Виктора превзошли сами себя, и уже через несколько минут он начал постукивать в стену. Но это было безуспешно, Таня отключилась сразу, как только коснулась головой подушки.

2

Утром девушка проснулась в отличном настроении, она порхала по дому так легко и воздушно, что деревянные перекрытия не успевали издать и звука. После хорошей продолжительной тренировки Таня вошла в комнату и постучала в дверь Виктора.

– Доброе утро! – крикнула она, вертя в руке монету и исполняя какой-то цирковой трюк, стоя на одной ноге.

– Уже день, – поправил ее голос, свидетельствовавший о том, что его обладатель пребывал отнюдь не в таком хорошем настроении.

– Ты спал? У тебя сонный голос, прости, что разбудила. Может, мне зайти позже?

– Останься, – уверенно и более бодро ответил Витя.

– А у меня сегодня праздник! – похвасталась Таня и подошла ближе к двери в ожидании ответа.

– У тебя день рождения? Что же ты не сказала раньше? Я бы приготовил подарок или хотя бы встретил тебя не сонным голосом, а праздничным, а может, даже прочел бы стихи, я знаю очень много стихов, сейчас, только глотну воды.

– Мой день рождения в декабре, до него еще несколько месяцев, – пояснила Таня.

Виктор молчал, находясь в полном смятении, он перелистывал календарь в голове, размышляя о том, что за празд-

ник может быть сегодня у Тани.

– Сегодня Восьмое марта! – объявила она.

– Сегодня июль, – уверенно возразил Виктор.

– Сегодня у меня Восьмое марта, – еще раз настойчиво повторила Таня и услышала, как Виктор за стенкой плюхнулся на кровать, отчего его голос стал глухим:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.